

ЭМОЦИИ —
ЭТО ДЕФЕКТ



ДУЭТ

ЧУВСТВА
ПОД ЗАПРЕТОМ



ДУЭТ

ДУЭТ: ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

ЛИСАВЕТА ЧЕЛИЩЕВА

Лисавета Челищева

ДУЭТ: третий лишний

<https://litres.ru/73367007>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — «дефектная» в мире, где чувства запрещены законом.

Он — охотник, посланный выслеживать таких, как она.

Аня Морнар научилась притворяться мёртвой внутри, чтобы выжить в городе, где эмоции подавляют вакциной, а тех, кто осмеливается чувствовать, отправляют в печи. Но однажды ночью её слезы замечает незнакомец. И вместо того чтобы сдать властям, он стирает их с её щеки.

Макс — шпион из вражеского государства, получивший задание: внедриться в проект «ДУЭТ». Он привык работать в одиночку, подчиняясь приказам. Но, когда его объектом оказывается светловолосая девушка, способная разбить его броню одним взглядом, Макс впервые нарушает все правила.

Чтобы выжить, им придётся пройти «ДУЭТ» — жестокий тест на совместимость. Но правда, которую они узнают, может уничтожить их обоих.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	38
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	60
Глава 9	72
Глава 10	82
Глава 11	90
Глава 12	100
Глава 13	110
Глава 14	122
Глава 15	128
Глава 16	136
Глава 17	145
Глава 18	152
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Лисавета Челищева

ДУЭТ: третий лишний

Глава 1

АНЯ

За двадцать лет можно привыкнуть к чему угодно. К пустым глазницам окон в соседнем корпусе. К запаху Дуная, который с каждым годом всё сильнее отдаёт тинной и чем-то сладковатым, гнилым. К патрулям на улицах и к этой ночи — ночи Бдения.

Но я так и не привыкла.

С утра бабушка сунула мне краюху хлеба с маргарином — я ела через силу, запивала цикорием. Она смотрела на меня поверх своих очков в старой оправе, и в глазах у неё было то, что я ненавижу больше всего: жалость. Ко мне. К себе. К маме, которую зачитают сегодня по бумажке вместе с остальными.

— Анют, надень платок, — сказала она, когда я уже стояла в дверях. — Волосы лучше убери. Не привлекай внимание.

Я послушалась. Всегда слушаюсь. Потому что если не слушаться — заметят. А если заметят — будут жестко допрашивать по всем фронтам. Простая арифметика выживания в Славимире.

Площадь губернии забита под завязку. Старый памятник кому-то там когда-то затащили чёрной тканью, а прямо сейчас перед ним разожгли огонь. Ритуальный костёр, который должен гореть всю ночь, пока не прочитают всех. Пламя лижет вечернее небо, и в нём переливается эта дурацкая колонна-обелиск. Её построили в память о тех, кто не пережил заразу. Выглядит пафосно, но по сути просто груды металла.

Люди вокруг стоят как живые мертвецы. Никто не плачет. Никто не смеётся. Они просто смотрят в огонь пустыми глазами, и мне становится страшно. Потому что я знаю: так и должно быть. Так правильно. Вакцина притупляет эмоции, делает всех одинаковыми, удобными, безопасными.

А я стою среди них и чувствую. Всё. До мурашек, до дрожи, до спазма в горле.

Ода толкает меня локтем — мол, держись. Она единственная, кто знает про меня хотя бы половину правды. Мы дружим с детского сада, ещё с тех пор, когда детский сад был детским садом, а не распределителем пайков. Её мать тоже в списках. Тоже умрёт сегодня в динамиках, чтобы воскреснуть в памяти тысяч людей ровно на три секунды.

Я сжимаю ладонь подружки в ответ.

Начинают зачитывать имена.

Сначала идут буквой А, потом Б, потом В. Моя фамилия — Морнар, это где-то в середине. Я знаю это наизусть, потому что каждый год слушаю и жду. Голос диктора монотонный, усыпляющий, но когда он доходит до нужной буквы,

меня прошибает холодный пот.

— Морнар Нина. Морнар Никола.

Мама. Папа.

И всё.

Две слезы срываются с моих ресниц, и я не успеваю их поймать. Они катятся по щекам, и я чувствую их солёный вкус на губах. Вокруг — никого. Никто не заметил. Все смотрят вперёд, на огонь, и кивают в такт.

В груди что-то ломается.

Я не должна это чувствовать. Не должна помнить, как пахли мамины волосы, как папа сажал меня на плечи и водил смотреть на Дунай. Мой мозг должен быть чистым, стерильным, как операционная в нашем Институте.

Но он не такой.

Он живой. Слишком живой для этого мёртвого города.

— Я сейчас, — шепчу я Оде и начинаю протискиваться сквозь толпу.

Она что-то говорит вслед, но я не слышу. Я уже бегу. Прочь от огня, прочь от имён, прочь от тысяч пустых глаз.

Город встречает меня пустыми улицами. Старый Славимир — когда-то красивый, культурный, живой — теперь похож на скелет. Облупленные фасады, заколоченные витрины, граффити на стенах: «Помним», «Не забудем», и самое популярное — «ДУЭТ спасает». Проект, который должен вернуть нам человеческие отношения. Найти подходящую пару. Проверить чувства. Как будто чувства можно прове-

рить их алгоритмом.

Я бегу через старый сосновый парк, мимо каменных стен, мимо пушек, которые никто никогда больше не использует. Ветки хлещут по плечам, но мне всё равно. Останавливаюсь только в самом конце соснового бора, у старой ели, под которой мы с папой когда-то кормили белок.

Здесь ни души.

Здесь можно быть собой.

Я падаю на мягкую землю, прижимаюсь спиной к шершавому стволу и даю волю слезам. Плевать. Пусть видят. Пусть забирают. Я устала прятаться. Двадцать лет прятаться — это слишком долго.

Я не слышу шагов.

Вообще ничего не слышу, кроме собственных всхлипов. Поэтому, когда тень падает на меня, закрывая свет единственного фонаря, я вздрагиваю так, что чуть не вскрикиваю.

Он стоит в паре метров от меня. Высокий, в чёрной толстовке с капюшоном, руки в карманах. Смотрит на меня.

Я замираю.

Сердце падает в пятки. Мысли мечутся: бежать, кричать, звать на помощь. Но ноги не слушаются. Я просто сижу и смотрю на него снизу вверх, чувствуя, как слёзы всё ещё текут по щекам, и ничего не могу с этим поделать.

Он делает шаг. Ещё один. Опускается передо мной на корточки, и теперь мы почти на одном уровне. Капюшон скры-

вает половину лица, но глаза — их не спрятать. Светлые, почти прозрачные, с тёмными крапинками. Как вода в Дунае ранней весной.

Я перестаю дышать.

Незнакомец медленно поднимает руку. Я зажмуриваюсь, думая, что сейчас последует удар, приказ, наручники. Но вместо этого чувствую прикосновение к щеке. Тёплое, шершавое, осторожное. Он стирает слезинку большим пальцем, и по коже бегут мурашки.

Я распахиваю глаза.

Он смотрит на меня в упор. В его взгляде нет угрозы. Там что-то другое — удивление? Интерес? Я не знаю. Я ничего не знаю о парнях, кроме того, что пишут в учебниках по половому воспитанию. Но от этого взгляда у меня внутри всё переворачивается.

Он усмехается. Чуть-чуть, одними уголками губ. Потом встаёт и уходит. Бесшумно, как и появился. Растворяется в темноте, оставляя меня одну под елью с бешено колотящимся сердцем.

Я сижу, не в силах пошевелиться. Щека горит там, где он касался. В голове — полная неразбериха. Кто он? Что ему было нужно от меня? Почему не позвал стражу?

Только через минуту до меня доходит: он мог. Он должен был. Я нарушила закон — я чувствую, я плачу в общественном месте! А он просто стёр слезу и ушёл.

Я вскакиваю и бегу обратно, в город.

Толпы уже разошлись, люди возвращаются по домам после Ночи Бдения. Я лавирую между ними, врезаюсь в плечи, ловлю недовольные взгляды. Мне плевать. В голове только одно: домой. К бабушке. Убедиться, что с ней всё в порядке.

Бабушка Катя сидит на крыльце, кутаясь в старую шаль, хотя июньский вечер тёплый. Увидев меня, она вскакивает и бежит навстречу.

— Аня! Где ты была? Комендантский час через полчаса уже! — она ощупывает меня, проверяет, цела ли, прижимает к себе. — С ума меня сведёшь совсем. Этого хочешь, да?

От неё пахнет хозяйственным мылом и сушёной мятой. Я зарываюсь носом в её плечо и молчу. Не могу рассказать про встречу под елью. Не сейчас.

— Всё хорошо, ба. Просто нужно было побыть одной.

Старушка вздыхает, гладит меня по голове.

— Знаю, Анют. Тяжело. Иди в дом, я чай заварила.

Ночью я лежу на своей кровати и смотрю в потолок. Трещина на нём похожа на карту старого материка, состоящего из четырех губерний. Славимир, Харнес, Тулин и Даария... Последнего больше нет. Как и моих родителей.

Перед глазами — его глаза. Светлые, холодные, но почему-то тёплые внутри. Я трогаю щёку пальцами, пытаюсь вспомнить его прикосновение. И не могу понять, чего во мне больше — страха или чего-то другого, чему я пока не знаю названия.

За окном воеет сирена — конец комендантского часа.

Я закрываю глаза и проваливаюсь в сон.

Глава 2

МАКС

Знаете, что самое поганое в чужих традициях? То, что в них приходится участвовать, когда тебе это нафиг не удалось.

Я здесь уже который час, и если ещё минуту проторчу на этой площади, глядя, как они синхронно кланяются под зачитывание имён покойников, я, кажется, начну стрелять. Не потому что злой. Просто от скуки.

Ночь Бдения. Для них — святое. Для меня — цирк с конями. Тысячи людей, накаченных подавителями эмоций, стоят с лицами, будто им вставили по шаблону «печаль». Ни всхлипа, ни крика. Только этот долбаный оратор бубнит и бубнит имена. Я даже зауважал тех, кто составлял список — там явно кто-то с чувством юмора, потому что некоторые сочетания звучат максимально несуразно.

Огонь в центре площади лижет этот их памятник — «Бесконечную колонну». Выглядит пафосно, но по сути просто груда металлолома, которую они полируют каждый год в память о том, как вирус выкосил треть населения. Красивая легенда. Жаль, что я знаю правду.

Но не будем об этом. Не хочу опять вспоминать эту дичь. Перезожаю взгляд на крыши, вглядываясь в темные ниши. Пятеро слева, пятеро справа, двое за костром. Стандарт-

ная расстановка для СОФ. Хотя постоите — у них новые игрушки. Фильтры на шлемах. Для чего? Воздух здесь чистый, проверяли. Или я чего-то не знаю о местной экологии, или они готовятся к чему-то, о чём молчат наши аналитики. Мысленно ставлю галочку: «Выяснить, почему стража носится с очистителями воздуха».

Ну, вроде все. Пора сваливать.

Проталкиваюсь сквозь толпу, задевая плечи. Никто даже не оборачивается. Им реально плевать. Или настолько подавлены, что не замечают ничего вокруг. Хорошая дрессировка, ничего не скажешь. Овец они вывели, а не общество.

Нырять в переулок — и тут же вжимаюсь в стену. Патруль СОФ. Трое. Идут вяло, расслабленно. Для них сегодня просто рабочая смена, никакой реальной угрозы они не ждут. И правильно, не дождутся. Я тень. Меня учили быть тенью.

Пережидаю, считаю про себя до ста, выдыхаю. Чисто.

Дальше город раскрывается передо мной как книжка с картинками. Старые руины, облепленные голографической рекламой проекта «ДУЭТ». «Найди свою половинку», «Проверь свои чувства», «Будущее отношений начинается здесь». Смешно. У тех, кто решается на участие в этой штуке — будущего нет. И отношений, если честно, тоже.

Парк встречает тишиной. Здесь даже фонари светят как-то интимно, будто извиняются за то, что вообще существуют. Я люблю такие места. В них можно спрятаться от камер города. А камеры в Славимире везде — на каждом столбе, на

каждом углу. Серая администрация постоянно следит, чтобы никто не чувствовал лишнего.

И вот тут я слышу нечто странное.

Плач?

Сначала думаю — показалось. Ну не может быть. Они же все на вакцине, у них эмпатия отрублена наглухо. Это как искать живой цветок в пустыне. Бессмысленно.

Но звук повторяется. И я машинально иду на него.

Раздвигаю ветки — и зависаю.

Девчонка. Лет двадцати. Сидит под елью, сжавшись в комочек, и ревёт так, будто у неё душа наружу вылезает. Плечи трясутся, светлые волосы разметались, по лицу слёзы ручьём. Я смотрел на неё на записях тысячу раз. Аня Морнар, объект ноль-шесть-девять. Особенный случай. Её родители отказались от вакцинации и скончались от вируса десять лет назад, а она каким-то чудом выжила и унаследовала их ненужный дар чувствовать. Её родная бабка прятала её двадцать лет.

И вот она здесь. Реальная. Живая. Плачущая.

Мой мозг говорит: «Отвали от неё. Ты её спугнёшь. Ты здесь не для этого». Но ноги уже несут вперёд.

Ветка хрустит под моей подошвой — громко. Слишком громко. Девчонка вскидывает голову, и я вижу её глаза. Мокрые, испуганные. И такие... настоящие. В них нет этого долбаного вакуума, который я вижу у всех вокруг. Она правда чувствует что-то. Реально чувствует.

Опускаюсь перед ней на корточки. Не знаю только, зачем. Это было совсем не в планах.

Мы смотрим друг на друга. Я знаю о ней почти всё: группу крови, индекс массы тела, генетические маркеры, академическую успеваемость, даже любимый цвет. Но я не знал, что у неё такой взгляд. Пронзительный. Живой.

И тут моя рука неожиданно сама тянется к её лицу. Большой палец касается нежной щеки, смахивает каплю.

Она вздрагивает.

Я — тоже. Но внутренне.

Внутри всё переворачивается. Это не реакция, это какое-то землетрясение. Никакой тренинг, никакая подготовка не объяснят, почему у меня сейчас сердце лупит как сумасшедшее и в груди разливается что-то тёплое, опасное.

Отступаю. Молча. Быстро. Исчезаю в темноте так же быстро, как появился.

За спиной — тишина. Она не бежит за мной, не кричит. Просто сидит там, наверное, до сих пор в шоке.

А я иду сквозь парк и чувствую, как горят кончики пальцев. Те самые, что касались её кожи.

— Твою мать, Макс, — шепчу в пустоту. — Твою мать.

Я только что нарушил всё, чему меня учили. Вошёл в контакт без приказа. Раскрыл себя. Дотронулся до объекта. Если командир узнает...

Он не узнает. Как?

Но я-то знаю об этом. И это знание теперь будет сидеть во

мне и гнить. Потому что она мне уже снилась. Я помню этот сон полгода назад. А теперь она будет сниться мне каждую ночь — с этими глазами, с этой слезой на щеке.

Выхожу из парка на освещённую улицу, сливаюсь с тенями и думаю только об одном: какого чёрта они сделали её такой красивой? И какого чёрта я не могу об этом не думать?

Проект «ДУЭТ» обещает найти идеальную пару. Говорит, алгоритмы знают всё о совместимости.

Чёрта с два они знают.

Потому что ни один алгоритм не предскажет, что я, обученный убивать и вычислять дефекты, буду стоять посреди ночного города и чувствовать, как у меня трясутся руки от одной случайной встречи.

Бред.

Полный бред.

Возвращаюсь на обычную точку сбора, захожу в конспиративную квартиру, падаю на кровать и плююсь в потолок. Перед глазами — её лицо.

— Приехали, — говорю сам себе. — Теперь у меня есть проблема.

И понимаю, что проблема эта будет только расти. Потому что завтра мне снова идти в город. Искать дефектных. А искать буду уже только её.

Глава 3

АНЯ

Ночь никак не кончается. Я лежу на спине и смотрю в потолок — там старая трещина, похожая на карту Славимира, какой её показывали в старых учебниках. До войны. До всего. За стеной ворочается бабушка, её кровать скрипит пружинами. Она думает, я сплю. А я считаю удары своего сердца и слушаю, не едет ли машина.

Патрули СОФ приезжают по ночам. Всегда по ночам. Белые фуры с гербом — круг, перечёркнутый вертикальной чертой, символ отсечения дефекта. «Чистота — это порядок». Я видела их однажды совсем близко, когда мне было десять. Они забирали соседей с третьего этажа. Женщина кричала, а они стояли в своих стерильных доспехах, с прозрачными шлемами, и смотрели сквозь неё, как сквозь грязь. У них даже дыхательные фильтры на поясах — чтобы не замараться о наш воздух.

Бабушка говорит, раньше их называли по-другому. Теперь это просто СОФ. Служба Очищения Фонда. Очищают генофонд населения от дефектов.

Встаю с первыми лучами — серыми, тяжёлыми. В гостиной комнате пахнет свежестью и яблоками, которые бабушка хранит под диваном. Иду к ручкомойнику в ванной, лью на лицо ледяную воду. В зеркале — осунувшееся лицо, те-

ни под глазами, растрёпанные волосы. Провожу пальцами по щеке. Там, где вчера он касался, кожа почему-то всё ещё помнит это.

Форма. Ненавижу нашу форму института. Комбинезон из грубой ткани, сверху серая куртка с длинным рукавом. Застёгиваю пуговицы до самого горла, как учила бабушка: «Ничего лишнего, никакой красоты. Красота сейчас опасна». Ботинки на толстой подошве, каблуки глухо стучат по паркету. Эмблема Института на груди — щит с колосьями, старая эмблема серой администрации, ещё довоенная. Прикалываю её криво, поправлять некогда.

Выхожу из дома — и сразу этот запах. Дунай, сырость, гарь с левого берега, где до сих пор горят торфяники. Улицы пустые, только патруль прошёл, оставив следы на мокром асфальте, и серая фура Пепельного Легиона тащится в сторону моста. Они всегда в сером, эти «серые плащи». На их форме не видно пыли от крематориев. Говорят, у них даже нашивки с изображением секатора, но я никогда не подходила так близко, чтобы рассмотреть.

Старые вывески на кириллице, облупленные, с дырами от пуль. Кафе «Хлебница» заколочено досками. Детская площадка — одни ржавые качели.

Институт наук встречает меня белизной. Здесь всё белое — стены, халаты, лица. В коридорах висят плакаты СОФ: «Чистота — это порядок», и рядом — объявления С.Р.О.К. с напоминанием о плановых осмотрах. Служба Репродук-

тивного Ограничения и Контроля. Достаточно прочесть эти буквы на дверях, чтобы у любого подкосились ноги.

Профессор на парах бубнит про биомы ледяных пустошей, его голос усыпляет. Я смотрю в окно, считаю ворон на крыше соседнего корпуса. Думаю о том, что будет, если тот незнакомец из парка всё-таки доложит обо мне. О том, что я умею плакать, что не принимаю транквилизаторы эмоций. Тогда СОФ приедет за мной ночью. Или, может, меня сразу передадут Пепельным, и я просто исчезну — без следа, без имени, только серая пыль от меня останется на их форме.

Замечаю какое-то движение за окном — резкое, чужое.

Два чёрных джипа, старые «нивы» на броне, въезжают в ворота института. Из них выходят пятеро. Чужаки. Это видно сразу — по тому, как они смотрят по сторонам, как не сутулятся, как держат головы прямо. Брюнетка в кожаной куртке смеётся, запрокидывая голову. Двое парней толкают друг друга, как подростки, хотя выглядят достаточно взрослыми.

А третий...

Мое сердце пропускает удар.

Чёрная толстовка, потёртая косуха, капюшон накинут на голову. Он выходит из машины последним, оглядывает здание, и на секунду мне кажется, что он смотрит прямо на меня. Он снимает капюшон, и я вижу его лицо.

Тот самый.

Незнакомец из парка.

Вчерашний.

Кровь приливает к щекам — тяжёлой, горячей волной, от которой закладывает уши. В классе мгновенно становится душно, будто кто-то выключил вентиляцию и стены сдвинулись на метр. Профессор объявляет новеньких, его голос доносится сквозь толщу воды: откуда-то издалека, с другого берега реки. Новенькие заходят, рассаживаются. А он идёт по проходу — медленно, вразвалочку, с ленцой, как будто весь этот мир со всеми его институтами, патрулями и правилами принадлежит ему по праву рождения. Как будто он здесь хозяин, а мы так, мелкие сошки.

Проходит мимо моей парты.

Я чувствую его запах. Табак — не тот, что продают в местных ларьках у моста, а другой, дорогой, пахнувший чем-то дальним.

Он садится сзади меня.

И всё.

Я больше не слышу ни слова из того, что говорит профессор. Вообще ничего. Только стук собственного сердца — тяжёлый, неровный, какой-то чужой. Я чувствую его взгляд на своем затылке. Физически. Как если бы он положил руку мне на шею и сдавил её. Взгляд не отрывается. Жжёт. Между лопаток выступает испарина, ткань моего комбинезона противно липнет к коже.

Под рёбрами начинают порхать какие-то глупые бабочки. Глупые, потому что им здесь точно не место. Потому что бабочкам положено порхать в животе, когда удачно сдаёшь эк-

замен или когда выигрываешь стипендию. А не от близости незнакомого парня, который может одним словом отправить меня в Пепельный Легион.

Мои щёки горят так, что, наверное, видно даже с последнего ряда. Видно сквозь волосы, сквозь воротник, сквозь эту дурацкую форму. Пульс стучит в висках: тук-тук-тук, как метроном, как отсчёт перед казнью.

Пальцы сами тянутся к воротнику, теребят верхнюю пуговицу. Металлическая, холодная, гладкая. Расстегнуть? Хотя бы одну. Чтобы воздух пошёл. Чтобы не задохнуться.

Нет. Нельзя.

Бабушка учила: «Будь незаметной, Аня. Незаметных не трогают». Растворись в толпе, будь как все, не привлекай внимания. Красота опасна. Эмоции опасны. Жизнь опасна. Лишних движений не делай.

Но под комбинезоном становится всё жарче и жарче. Жар поднимается откуда-то из живота, разливается по груди, щекает шею. Хочется встать и выбежать. Прямо сейчас, бросив сумку, бросив тетради, бросив всё. Или обернуться. Встретиться с ним глазами — и пусть что будет. Или провалиться сквозь землю. Чтобы не чувствовать этого всего. Чтобы не быть собой.

Профессор что-то спрашивает у доски. Оборачивается ко мне. Я не слышу вопроса, но губы сами говорят: «Можно выйти?». Голос звучит ровно, хотя внутри всё дрожит мелкой противной дрожью. Колени под партой ходят ходуном,

и я молюсь, чтобы никто не заметил.

Профессор с долей сомнения кивает.

Я моментально вылетаю в коридор, не чувствуя ног.

Бегу к лестнице. Каблуки стучат по кафелю: цок-цок-цок, как выстрелы. Четвёртый этаж, закрытая на ремонт лаборатория. Только там можно спрятаться. Только там я одна.

Дверь захлопывается за моей спиной с тихим шипением пневматики. Я прислоняюсь к стене, зажмуриваюсь, пытаюсь выровнять дыхание.

Сердце колотится как сумасшедшее. Мне никогда не было так плохо за последние годы.

Но вчера... Вчера он стоял передо мной. В парке, под этим дурацким фонарём, который мигал и шипел. Смотрел на меня снизу вверх. И в его глазах было что-то... я не знаю, что. Не жалость. Не насмешка. Что-то другое. Его пальцы коснулись моей щеки. Он стёр слезу. Провёл большим пальцем по скуле, и у меня внутри всё перевернулось. Это длилось секунду. Может, две. Но я до сих пор чувствую это прикосновение. Там, где он провёл, кожа будто заразилась чем-то от этого касания. Будто он оставил след, который не смыть водой, не стереть временем.

Открываю глаза. Лаборатория — стерильная, белая, привычная. Чуть затемненная. Пробирки, микроскопы, журналы наблюдений. Здесь всё понятно. Здесь нет места чувствам. Только факты, только анализы, только поиск вакцины.

Подхожу к окну.

Дунай. Серый, тяжёлый, неторопливый. Вода кажется густой, как ртуть. На том берегу ползёт туман — медленно, неотвратно. А за туманом — стена. А за стеной — ничейная земля, что раньше принадлежала Дарийцам, от которых пошел вирус. Там, говорят, мутанты, бандиты, те, кого не смог поймать Пепельный Легион. Там другие законы. Там, может, можно жить по-настоящему. Или нет... Кто знает.

А я здесь.

Двадцать лет взаперти. Двадцать лет делаю вид, что я такая же, как все, хотя внутри — ураган.

И он.

Который видел меня настоящую. И не испугался моих слез. Не побежал доносить. Не вызвал патруль. Просто стёр слезу и ушёл.

...Почему?

Если он не испугался, значит, либо он сумасшедший, либо... либо он тоже не такой, как все. Может, он из тех, кого Пепельные не берут? Или сам из-за стены? Может, у него самого рыльце в пушку?

Поправляю форму. Глубоко дышу — раз, два, три, четыре. Истерика потихоньку уходит.

Иду обратно по коридору. Каблуки стучат гулко, эхо раз-

носятся по пустым этажам. У двери класса останавливаюсь.

Смотрю на своё отражение в стеклянной вставке. Волосы растрепались, щёки горят, глаза блестят. Поправляю прядь за ухо. Глупо. Кому это надо? Но всё равно поправляю.

Открываю дверь.

И сразу встречаю его взгляд.

Он сидит в той же позе — развалившись на стуле, положив руку на спинку соседнего. Смотрит в упор. Не отводит глаз. В его взгляде — не насмешка. Не презрение. Не вызов.

Что-то другое.

Тёплое. Внимательное. Такое, от чего внутри всё переворачивается, а под рёбрами снова начинают биться эти дурацкие бабочки.

Я отвожу глаза первой. Сажусь за свою парту, прячу руки под стол, сжимаю пальцы в кулаки. Уши горят так, что, кажется, сейчас задымятся.

Лекция течёт мимо. Я не слышу ничего. Только своё дыхание — слишком частое, слишком громкое. Между лопаток снова появляется испарина. Хочется обернуться. Хочется посмотреть в его глаза ещё раз. Убедиться, что мне не показалось. Что там действительно было что-то человеческое. Что-то, чего не может быть у человека, принимающего обязательные транквилизаторы эмоций.

Я не оборачиваюсь. Но знаю: он смотрит.

Всю оставшуюся пару сижу как на иголках. Каждая минута длится вечность. Я считаю секунды до звонка, смотрю на

стрелку часов на стене, хотя одновременно боюсь этого момента.

Когда звенит звонок — наконец-то! — все начинают быстро собираться. Я медлю, делаю вид, что складываю тетради, но одновременно незаметно слежу за ним.

Он проходит мимо моей парты. Медленно, лениво. И вдруг — я вижу краем глаза — что-то падает на пол к моим ногам. Белый квадратик.

Выжидаю несколько мучительных минут, провожаю его спину взглядом к выходу. Застегиваю рюкзак и выдыхаю. Наклоняюсь поднять странный квадратик.

Это бумажка. Сложенная вчетверо.

Поднимаю голову — его уже нет. Растворился в толпе, как и вчера в парке.

Убедившись, что в классе больше никого нет, я разворачиваю бумажку. На листке — несколько слов, написанных от руки:

«Парк. Сегодня. В девять».

И больше ничего.

Ни подписи. Ни объяснений. Просто — приказ. Или приглашение. Или ловушка.

Я комкаю бумажку в кулаке, чувствуя, как сердце снова уходит в пятки.

Что ты со мной делаешь, незнакомец?... Что тебе от меня надо?

Подхожу к окну в конце коридора.

За стеклом — серая фура Пепельных ползёт по набережной. Медленно, важно, как сытый удав. Мысленно ставлю себе напоминание: если меня поймают, если он всё-таки донесёт на меня — я стану такой же пылью на их форме. Безымянной. Бесследной.

Я думаю об этом. И розовые очки постепенно спадают с меня. Но почему-то сейчас я думаю уже не о СОФ. Не о С.Р.О.К. Не о чистке генофонда, не о белых фурах с символом отсечения дефекта.

Я думаю только о том, пойду ли я в парк сегодня в девять.

И, кажется, я уже знаю ответ.

Пойду.

Глава 4

МАКС

У неё было такое лицо, будто я ей явился прямиком из кошмаров. Сидела, смотрела во все глаза, и я прямо видел, как у неё зрачки расширились. Дар речи, похоже, отключился начисто. Ну надо же, а я думал, меня уже ничем не удивить.

Всю дорогу сюда я представлял, как снова надену форму, сяду за парту, буду делать вид, что я свой. Думал, будет бесить невероятно. А оказалось — даже забавно. Особенно наблюдать за ней. Миссия есть миссия: до конца сезона она под моей ответственностью. Потом домой. К нормальной жизни, где не надо врать на каждом шагу. Но пока я здесь, почему бы не развлечься? В смысле — понаблюдать. Местные девочки, они вообще интересные. Днём пай-девочки, паиньки, всё по правилам. А ночью, говорят, совсем другие. Матвей рассказывал, у них тут химия особая: гормоны с наноидами в крови реагируют, и во время близости их накрывает по-настоящему. Эйфория, лёгкость, будто наркотик. Жаль, Матвей перебросили на другого объекта, он бы тут исследованиями занялся основательно.

Я сел на галёрку, откинулся на стуле. Она всё ещё дёргалась. Потом выпрямилась, сделала страдальческое лицо и попросилась выйти. Ага, конечно. Я-то видел, как она по-

бледнела, когда меня узнала.

Профессор бубнил что-то про биомы, но я уже не слышал ни слова. Я смотрел на неё. Вернее, на то место, где она только что сидела. На пустую парту с аккуратно сложенными тетрадами. На спинку стула, к которой она прислонялась своей тонкой спиной. И в голове крутилось одно: почему? Почему она не такая, как все?

Я изучал её досье вдоль и поперёк годами. Аня Морнар. Двадцать лет. Родители — учёные, работавшие над вакциной. Погибли, когда ей было десять. Бабушка — Сабина Морнар, бывший биолог, сейчас на пенсии. Всю жизнь девочка пряталась, потому что подавители эмоций на неё не действовали. Эмпатия — на полную мощность. Эмоции — через край. И при этом ни одного доноса, ни одного визита СОФ. Столько лет она водила их за нос, притворялась, улыбалась, делала вид, что она такая же пустая, как и все.

Я смотрел на её макушку — даже отсюда, с галёрки, я видел эти волосы. Золотистые, с рыжиной, они падали на плечи, касались лопаток, когда она поворачивала голову. Они переливались на свету, как бронза, как те монеты, что находят в развалинах довоенных домов. И мне вдруг до зуда, до ломоты в пальцах захотелось провести по ним рукой. Просто коснуться. Узнать, какие они на ощупь — шёлковые или жёсткие, пушистые или тяжёлые.

А ещё запах. Чёрт, я не должен был этого замечать, но когда она проходила мимо меня утром, я уловил его. Не химия,

не те духи, которыми пользуются местные девчонки — при- торно-сладкие, душные. Нет. От неё пахло чем-то другим. Мылом, кажется, самым простым, хозяйственным. И ещё — яблоками. И чем-то ещё, чему нет названия. Тёплым. Жи- вым. Тем, чем пахнет кожа, когда на неё падает солнце.

Я поймал себя на том, что пялюсь на неё уже минут де- сять. На её затылок, на линию шеи, на то, как она нервно те- ребит пуговицу воротника. Она чувствовала мой взгляд — это было очевидно. Её уши горели так, что, казалось, вот- вот задымятся.

Почему она не обернётся? Почему не сбежит? Чего она боится больше — меня или того, что я могу сделать с ней?

Я решил, что должен с ней поговорить. Лично. Не на ви- ду у всего класса, конечно, не под прицелом камер и чужих ушей. Где-нибудь, где можно спрятаться от этого стерильно- го мира.

Пока профессор увлечённо вещал про ледяные дарийские пустоши, я достал из кармана клочок бумаги, вырванный из тетради. Чиркнул несколько слов. Твёрдо, резко, без разду- мий: «Парк. Сегодня. В девять». Сложил вчетверо, зажал в кулаке. Дождался момента, когда она потянулась за сумкой, и, проходя мимо, уронил записку прямо ей под ноги.

Она наклонилась поднять. Я не оборачивался. Вышел в коридор и прибавил шагу.

Остальные пары у нас были разные. Я торчал на матема- тике, решал уравнения, а перед глазами стояла она. Её лицо,

когда она прочитает записку. Пойдёт ли? Или испугается?

Вечером я пришёл в парк пораньше. Спрятался за той же елью, где нашёл её в первый раз. Ждал.

Ровно девять. Тишина. Только ветер шуршит в иголках и где-то далеко лает собака.

Пятнадцать минут десятого. Я уже начал нервничать — не из-за миссии, чёрт возьми, а просто потому, что боялся: не придёт.

И тут я услышал голоса.

— Макс! Ковач, ты что тут забыл?

Матвей и Егор. Эти два придурка вынырнули из-за кустов, оба в спортивных костюмах, раскрасневшиеся после пробежки.

— А вы чего здесь? — рявкнул я, оглядываясь.

— Мы? А ты чего? — Матвей подозрительно сощурился.

— Решил вечернюю романтику разводить? В парке, один, в темноте? Ты маньяк?

— Заткнись, — прошипел я.

И в этот момент я увидел её. Аня вышла из-за поворота велосипедной дорожки — тонкая фигурка в тёмной куртке, волосы распущены, золотом горят под фонарём. Она остановилась, увидела нас троих, замерла на секунду...

И исчезла. Развернулась и ушла в темноту так же бесшум-

но, как появилась.

— Твою мать! — Я рванул было за ней, но Матвей схватил меня за рукав, не понимая куда это я так тороплюсь.

Они не увидели её. И слава богу.

— Ты куда это? Там же патрули, ночью комендантский час, ты что, с ума сошёл?

— Вы... вы хоть понимаете, что наделали?

— Что? — Егор захлопал глазами, оглядываясь по сторонам.

Я ничего не ответил. Просто развернулся и пошёл прочь.

На следующий день я решил действовать иначе. Подкараулил её у дверей института.

Она вышла из-за угла, увидела меня — и сразу прибавила шагу. Я двинулся следом, пытаюсь не бежать, чтобы не привлечь внимания.

— Эй!

Она не остановилась. Наоборот, почти побежала к главному входу, влетела внутрь, проскочила турникет и скрылась в толпе.

Я чертыхнулся и рванул за ней. В аудиторию она забежала, когда профессор уже начал лекцию. Я просочился следом, сел на галёрку — прямо за ней.

Сердце колотилось, проклиная меня.

И тут в распахнутое окно влетела птица. Голубь, кажется, или какая-то другая городская. Все головы повернулись к окну, профессор замахал руками, поднялся шум.

Я тут же воспользовался этим моментом. Наклонился вперёд, почти касаясь губами её уха.

— После пар мы поговорим. И ты не убежишь.

Она вздрогнула так, будто я её ударил. Её плечи напряглись, руки, лежавшие на парте, сжались в кулаки. Она не обернулась, но я видел, как краска заливает её шею, как поднимается к щекам, к самым корням волос.

Я откинулся на спинку стула, довольный. Сердце колотилось, но теперь уже по-другому. В ожидании.

Всю лекцию я смотрел на неё. На то, как она дышит — неровно, глубоко, будто после бега. На то, как её пальцы терпят край тетради. На то, как она то и дело сжимает и разжимает пальцы.

За пятнадцать минут до окончания лекции она неожиданно вскочила с места.

— Профессор, можно выйти? У меня что-то голова кружится. Я схожу в медпункт?

Профессор кивнул, и она вылетела за дверь. Я чуть не вскочил следом. Вовремя тормознул. Тут свои порядки: сначала руку подними, разрешения спроси. Бюрократия, мать её.

Я знал, что она врёт. Знал так же точно, как знал своё имя. Голова у неё кружилась, да. Но не от болезни. От меня.

И тут я вспоминаю свои последние слова ей: «Не убежишь». Твою ж... И что она подумала? Наверное, только самое худшее. Но я не это имел в виду.

Я не смог досидеть последние десять минут. Поднял руку, привлекая всеобщее внимание.

— Да, Максим? — голос у профессора сладкий, а глазки колючие.

Я делаю вид, что я пай-мальчик. Скромный, воспитанный, весь из себя примерный.

— Простите, можно выйти? Очень надо. Мне тоже в медпункт. Давление померить.

Сзади Егор давится смешком. Матвей уже предвкушает, как будет угорать надо мной вечером. Закатываю глаза. Профессор либо не въезжает в сарказм, либо просто не хочет связываться — фамилия у меня в бумажках солидная, папаша якобы большой человек в администрации.

Выхожу спокойно. А как дверь закрывается — срываюсь на бег.

Я знаю куда она обычно ходит во время занятий, чтобы побыть в тишине. Кабинет на ремонте? Окей. Только этот корпус на другом конце кампуса, и пока я добежал — её там уже не было.

Захожу в стеклянное здание, за стойкой тётка в белом халате, в очках на цепочке. Смотрит на меня как на инопланетянина — наверное, одежда не формат.

— Простите, — говорю максимально вежливо. — Аня

Морнар к Вам не заходила? Меня послали проверить, она плохо себя чувствовала. Мы подумали, она сюда прогуляться пришла. У вас тут... воздух лучше.

Вру уверенно, пальцами по стойке постукиваю — нервничаю. Тётка оглядывает меня, лезет в базу.

— Странно, в записях её нет, — начинает она, но я уже вылетаю за дверь.

Где она, чёрт возьми?

Обыскал всё. Биологический корпус, библиотеку, даже скверик между зданиями. Ничего. Смотрю на часы — мать честная, на другую пару пора. Сердце колотится. Я её упустил.

Оставшаяся лекция тянется как жвачка. Звенит звонок — её всё нет. Отлично. Следующие пары вообще в другом крыле — перевёлся посреди года, расписание сборное. Так что искать класс могу только на переменах.

Вижу её только в обед. Золотистые волосы мелькают в толпе и исчезают за дверями научного крыла. Выдыхаю так, будто километр пробежал. Жива. Цела. И даже не в наручниках.

Всемирная история — это просто ад. Я думал, наша пропаганда жёсткая, но это... это цирк. Половина фактов — ложь, половина — притянута за уши. А эта старая карга стучит ногтями по кафедре в одном ритме и даже не моргает. Я рыкнул от бессилия — ноль эмоций. Мне кажется, она вообще не человек. Ни слова про эксперимент, про нанойды, про то, что их материк медленно поддыхает. Ну да, чего ещё

ждать.

Математика прошла легче — с цифрами не поспоришь.

В обед желудок привёл меня на седьмой этаж.

Столовая тут — космос. Весь этаж стеклянный, вид на город открывается бешеный. Дунай внизу, серый, тяжёлый, старые крыши, облупленные фасады, а дальше — стена. Наша стена, за которой начинается ничейная земля. Кто придумал жрать на самом верху самого высокого здания — гений.

У нас дома еду разносят живые повара, а тут роботы шуруют. Всё блестит, стерильное, белое. Как в морге, а не в столовой. Неужели нельзя было чего получше придумать?

Матвей машет мне рукой из дальнего угла. Я трюсь среди толпы местных, чувствуя себя чужим. Наши сидят у окна, за спиной у них — весь этот город, серый, плоский, застывший во времени.

Подхожу ближе и слышу знакомые перепалки. Катя с Егором опять грызутся.

— Я старше, значит, я главнее, — пищит Катя.

— Зато я лучше во всём, — отбρίζει её Егор.

Егор младше нас, но реально один из лучших. Я ржу в голос. Смешно им, а командую тут я. Мы все здесь с одной целью — курировать финальную стадию эксперимента, изображая новеньких студентов. У каждого свой объект, своя легенда, своя миссия. И нельзя завалить общее задание.

Увидев меня, ребята замолкают. Я улыбаюсь, давая понять, что не против их подколов. Ташу у Кати картошку из

тарелки — святое дело. Ворованная еда всегда вкуснее.

Саня — единственный мозг нашей команды — отодвигается, освобождая мне место. Сажусь, выдыхаю. Впервые за день чувствую себя в своей тарелке.

— Вы бы видели нашего попрыгунчика-Егора сегодня утром на паре, — начинает Матвей, и я понимаю — сейчас начнётся. Щурюсь, готовясь к потоку шуток.

— Ну, потому что он типа... — Матвей пытается объяснить свою же шутку и путается. Бедолага.

Закатываю глаза к потолку. Это просто грустно. Все ржут, я тоже не выдерживаю. Карма — злая штука.

— Слушай, Макс, ты бы видел своё лицо, когда ты за ней вышел, — Егор пододвигается. — Прямо влюблённый мальчик.

— Иди ты.

— А то я не видел, как ты на неё смотрел. На блондинку. Морнар, да?

Молчу. Он ржёт.

— Отшила тебя, да? А ты все никак отпустить не можешь? Да тут таких полно. Найдешь себе другую блондиночку.

— Заткнись.

— Ладно-ладно. Но имей в виду: объекты нельзя трогать. Сам знаешь.

Знаю. Только от этого знания легче не становится.

И тут я вижу её.

Она стоит у раздачи с подносом. Золотистые волосы со-

браны в пучок, открывают шею — тонкую, с выбившимися прядками. Форма сидит на ней мешковато, но всё равно видно, как она двигается — осторожно, будто боится задеть кого-то. Ищет глазами свободное место.

Рядом с ней появляется какой-то чел. Брюнет. Высокий, статный, из тех, кого мамочки любят. Кладёт руку ей на плечо. Она вздрагивает, но не отстраняется.

У меня внутри что-то ёкает. Или сжимается. Я ещё не понял, что именно.

Тот парень что-то говорит ей, наклоняется близко. Слишком близко. Она отвечает, улыбается — но улыбка какая-то... неживая. Дежурная. Я буквально вижу, как её плечо под его ладонью напряглось.

Убери руку, придурок.

Он не убирает.

Ещё минуту треплется, потом наконец убирает. Она кивает, разворачивается — и наши взгляды встречаются.

Стеклянный зал, куча народа, шум, гам, а мы смотрим друг на друга через всю эту толпу. И у неё такие глаза... Я не могу описать. В них и страх, и удивление, и что-то ещё. Что-то тёплое, живое, от чего у меня самого внутри разливается тепло.

Она отворачивается первой. Слишком резко. Спотыкается на каблуках и почти бежит к выходу.

Я встаю с места, даже не думая.

— Бывайте, — бросаю своим, хватая последнюю картош-

ку и запихивая её в рот.

Выхожу в коридор, но её уже нет. Толпа местных течёт в обе стороны, а она как сквозь землю провалилась. Иду к лестнице, выглядываю в холл. Никого.

Стою, прислонившись к стене, и чувствую раздражение. Дурак. Чего я за ней бегаю? Она не моя подружка, не моя девушка, вообще никто мне. Просто объект, за которым нужно приглядывать. Работа. Цифра в отчёте.

Но когда она смотрела на меня через зал, у меня было чувство, будто мы одни во всём этом городе. Будто нет ни столовой, ни людей, ни этого дурацкого института. Только она и я.

Бред.

Выдыхаю, тру лицо ладонями. Надо возвращаться. Скоро следующая пара.

Проходя мимо окна, смотрю на Дунай. Солнце уже клонится к закату. На том берегу — стена. А за ней — дом. Там, где всё понятно, где нет этой дурацкой путаницы в голове.

До финальной стадии эксперимента осталось совсем немного. Скоро я свалю отсюда домой. Вот, что душу должно греть.

Интересно, а она сейчас тоже на что-то смотрит? Думает о чём-то? До сих пор переживает из-за моих слов?

Глава 5

АНЯ

Я почти бегом вылетаю из столовой, натыкаюсь на кого-то плечом, не извиняюсь. В груди пожар. Этот его взгляд сквозь весь зал, его угроза... Он видит меня насквозь. Видит, что я не такая, как все. И от этого хочется одновременно провалиться сквозь землю и подойти к нему. Ближе. Вдохнуть этот его запах. Узнать, почему он...

Нет! Нет, нет, нет. Хватит о нем думать! Это ужасно. Неправильно!

Я сворачиваю в пустую рекреацию на лестнице и останавливаюсь у окна, прижимаясь лбом к стеклу. За окном — сосновый лес, серый и равнодушный.

— Аня.

Голос раздается прямо за моей спиной, и я подпрыгиваю на месте. Резко оборачиваюсь.

Это Богдан.

Стоит в двух шагах, сложив руки на груди. Безупречный, как всегда. Белая рубашка, тёмные брюки, дорогие часы на запястье — подарок отца, наверное. Он смотрит на меня с лёгкой улыбкой, но в глазах — отстраненность. Я знаю этот взгляд. Так смотрят на вещь, которую уже почти купили.

— Ты чего так бежала? — он делает шаг ко мне. — Я тебя еле догнал со столовой.

— Богдан, — я выдыхаю, пытаюсь успокоить сердце. — Я просто... неважно себя чувствую сегодня.

Он подходит ещё ближе. Кладёт руку на мою талию. Жест собственника, который я уже выучила наизусть.

— Я волновался за тебя, если честно. Ты избегаешь меня последние дни. Я что-то не так сделал?

— Нет, просто учёба...

— Аня. — Он перебивает мягко, но весомо. — Ты же знаешь, что наши отцы уже всё обсудили. После окончания семестра мы объявим о помолвке. Ты станешь частью моей семьи. Это честь. Тебе не придется работать в центре, как другим. Не переживай так из-за учебы. Я помогу, если надо будет.

Честь? Конечно, честь. Семья Богдана — одни из немногих, кто сохранил влияние и деньги после Великой послевоенной чистки. Его отец — главный советник Серой Администрации. За его сына любая девушка пойдёт с радостью. Любая «нормальная» девушка, которая мечтает о безопасности и крыше над головой.

— Я помню, — говорю тихо, глядя в сторону. — Просто... всему своё время.

Он наклоняется, чтобы поцеловать меня в щёку. Я позволяю. Это не больно. Это просто... никак. Как будто он целует не меня, а мою голограмму. Я так представляю. И так легче.

— Я хочу, чтобы мы прошли «ДУЭТ», — вдруг говорит Богдан, отстраняясь.

Я застываю в немом оцепенении.

— Что?

— «ДУЭТ», Ань. Проект. Ты слышала о нём. Симуляция высшего уровня, которая подтверждает совместимость пар.

— Он говорит об этом так, будто предлагает сходить в кино.

— Это укрепит наш союз в глазах общества. Покажет, что наш брак — не просто договорённость семей, а предначертание алгоритмов. Идеальная пара, верифицированная системой.

— Но... — мои слова застревают в горле. — Это же добровольно. И очень дорого.

— Для меня — нет. — Он улыбается своей белоснежной улыбкой. — Мой отец уже договорился. На следующей неделе у нас тестовое погружение. Просто формальность. Алгоритмы подтвердят нашу совместимость, и мы получим официальный статус «идеальной пары». Это решит все вопросы.

Он сжимает мою руку, не замечая, что пальцы у меня ледяные. Никогда не замечал.

— Богдан, я не уверена...

— Всё будет хорошо, — перебивает он. — Вот увидишь. «ДУЭТ» — это будущее. Там нет места ошибкам.

Он целует меня в лоб и уходит, оставляя стоять у окна.

«ДУЭТ».

Тот самый проект, реклама которого висит на каждом углу. Тот самый, который обещает найти идеальную пару или проверить чувства. Тот самый, алгоритмы которого основа-

ны на нейробиологии и биометрии.

Биометрия. Нейробиология. Мои главные враги.

Они увидят мой мозг. Они увидят, что я чувствую. Что подавители эмоций на меня не действуют. Что я — дефектная.

Если я войду в эту симуляцию, «ДУЭТ» раскроет меня за секунду. Алгоритмы увидят аномалию. И тогда — никакой Богдан, никакой его отец не спасут меня, даже если очень этого захотят, что навряд ли произойдет. СОФ приедет за мной той же ночью.

Я оказалась в ловушке. Если откажусь, Богдан заподозрит что-то неладное. Его семья не привыкла к отказам. Они начнут копать под меня. И докопаются.

Если я соглашусь — меня убьёт система.

— Что же делать? — шепчу я в пустоту.

Глава 6

МАКС

Выхожу из института, злой как чёрт. Матвей и Егор ржут за спиной, Катя пытается вовлечь меня в разговор, но я никого не слышу. В башке — только она. Её глаза. Её испуг. И тот хмырь, который лапал её за талию на лестнице.

Богдан Калиш. Я знаю эту фамилию. Его папаша — правая рука Серой Администрации. Один из тех, кто распределяет вакцину и решает, кому жить, а кому — в Пепельный Легион. И этот урод положил руку на талию моей... На талию объекта ноль-шесть-девять.

Мне надо проветриться. Прощаюсь с ребятами и выхожу во внутренний двор, закурываю — местные сигареты. Вот же дрянь, но лучше, чем ничего. И тут раздается вибрация в кармане.

Спецсвязь.

Оглядываюсь — никого. Отхожу за колонну, включаю голографический экран на запястье.

Лицо командира — сухое, жёсткое, с глубокими морщинами у рта.

— Ковач. Есть новое вводное по объекту «069».

— Слушаю.

— Забудь про прежние инструкции. Меняется приоритет. Проект «ДУЭТ» выходит на финальную стадию. Серая Ад-

министрация внедрила в алгоритмы скрытые сканеры. Они собираются провести тотальный нейроскрининг всех участников.

У меня внутри всё холодеет.

— То есть?

— То есть, когда местные идиоты полезут искать свою «идеальную пару», система будет считывать не только совместимость. Она будет искать аномалии. Эмпатов. Дефектных. Тех, кто не поддаётся подавителям. Ты понимаешь, что это значит?

Понимаю. Это значит, что Аню вычислят. Даже если она не пойдёт в «ДУЭТ» добровольно — её заставят. Потому что её потенциальный жених, этот хмырь Богдан, уже, сука, договорился о тестировании несколько дней назад.

— Наша миссия меняется, — продолжает командир. — «ДУЭТ» — не просто социальный эксперимент. Это ловушка. Последняя фаза зачистки. Они хотят выловить всех, кто уцелел после Великой Чистки. Всех, кто чувствует.

— И что мы должны сделать?

— Ты должен войти в «ДУЭТ». С ней. В паре. Это единственный способ защитить её от сканеров.

Я сглатываю.

— Войти в паре? С объектом? Но алгоритмы же увидят, что я... что мы...

— Увидят, — кивает командир. — Если ты будешь собой. Но ты не будешь. Мы внедрим тебе нейроблокиратор.

Он исказит твои показатели, сделает их похожими на показатели местных. Ты станешь для системы «нормальным». А объект «069», при контакте с тобой, получит твою защиту. Ваши сигнатуры смешаются. Система не сможет выделить её аномалию.

— Это рискованно.

— Это единственный шанс. Либо так, либо через неделю её заберут в Пепельный Легион, и ты будешь смотреть на её имя в списках на Бдении. Мы не можем потерять их. Они нам нужны живые.

В груди вспыхивает ярость. Я представляю её — тонкую, светловолосую, с глазами, полными жизни — идущую в серую фуру. Представляю, как её золотистые волосы превращаются в серую пыль.

— Задание понял, — говорю жёстко. — Но как мне заставить её согласиться? Она меня боится. Убегает.

— Ты сам виноват, Ковач. Нечего было светиться раньше времени. — Командир кривится. — Но у тебя есть козырь. Ты знаешь про неё всё. Знаешь, чего она боится. Скажи ей правду. Частично. Что ты тоже не такой, как все. Что ты можешь её защитить. Что «ДУЭТ» — это ловушка. Она умная девочка, она поймёт.

— А если не поверит?

— Убеди. Используй то, что между вами происходит. Не делай вид, что я слепой, Ковач. Я видел твою реакцию в отчётах. Ты к ней неравнодушен. Это плохо для миссии, но

сейчас это может работать на нас. Она чувствует. Она поверит своим чувствам быстрее, чем логике.

Связь обрывается.

Я стою во дворе, сжигая сигарету за сигаретой. В голове — каша.

Сказать ей правду? Что я шпион? Что я с Пустоши? Что работаю на Дарийцев? Она испугается ещё больше.

Но если не скажу — она погибнет.

И тут я вспоминаю её взгляд в столовой. Тот самый, сквозь толпу.

Может, это мой единственный шанс помочь ей.

Вечером я снова стою в парке. Под той самой елью.

Я отправил ей сообщение через старую сеть — ту, что не прослушивает Серая Администрация. Просто время. И слово: «Пожалуйста».

Теперь я ждал.

Девять вечера. Комендантский час через полтора часа.

Тишина.

Девять пятнадцать.

Я уже начинаю думать, что она не придёт, когда слышу шаги. Лёгкие, осторожные.

Она выходит из-за кустов. В тёмной куртке, волосы распущены, глаза блестят в темноте. Останавливается в пяти мет-

рах от меня, готовая бежать в любую секунду.

— Зачем ты преследуешь меня? — Голос дрожит, но она держится.

Я делаю шаг к ней. Один. Второй. Она не отступает.

— Послушай, — говорю тихо. — У нас мало времени. Поэтому выслушай меня, пожалуйста, и не перебивай.

Она смотрит на меня во все глаза. Неуверенно кивает. Хорошо. Это уже хороший знак.

— Проект «ДУЭТ» — это ловушка. — начинаю я. — Серая Администрация использует его, чтобы найти таких, как ты. Тех, кто чувствует. Кто не поддается подавителям.

Она бледнеет. Её губы шевелятся, но звука нет.

— Откуда ты...

— Не важно. Важно другое. Твой ухажер собирается вести тебя туда на следующей неделе. Если вы войдёте в симуляцию вдвоём, алгоритмы увидят твою аномалию. И тогда — конец.

— Я знаю, — выдыхает она. — Я... думала об этом весь день. У меня нет выхода. Если я откажусь, они начнут искать причину. Если соглашусь — меня убьёт система.

— Есть выход.

Она вскидывает голову.

— Какой?

Я делаю последний шаг. Мы стоим так близко, что я чувствую запах её волос. Яблоки и мыло.

— Ты должна войти в «ДУЭТ» не с ним. Со мной.

Она отшатывается, будто я ударил её.

— С тобой? Ты... ты с ума сошёл? Я тебя не знаю! Ты появился из ниоткуда, следишь за мной, пугаешь, а теперь предлагаешь такое? Кто ты вообще такой?!

— Я тот, кто тоже не такой, как все, — говорю жёстко. — Тот, кто может тебя защитить. В паре со мной твои показатели смешаются с моими. Система не увидит тебя. Она увидит нас. Одну цельную единицу. И пропустит.

Она смотрит на меня, и в её глазах — буря. Страх, недоверие, надежда, и ещё что-то... То самое, что я видел днём.

— Почему я должна тебе верить?

Потому что я рискую всем. Потому что если меня раскроют — я мёртв. Потому что...

Я протягиваю руку и касаюсь её щеки. Так же, как в ту первую ночь. Она вздрагивает, но не отстраняется.

— Потому что я тоже прячусь. Потому что я знаю, каково это — притворяться мёртвым внутри, когда ты живой. И потому что... — я сглатываю, перебарывая себя. — Потому что когда я увидел тебя здесь, под этой ёлкой, плачущую — я впервые за много лет почувствовал, что я не один.

Она молчит. Долго. Очень долго.

А потом её рука поднимается и накрывает мою, лежащую на её щеке.

— Кто ты? — шепчет она.

— Потом. Если выживем. Сейчас главное — пережить «ДУЭТ».

Она кивает. Чуть заметно.

— Что я должна делать?

Внутри у меня разливается тепло. Страх, надежда, и это новое, незнакомое чувство, от которого хочется защищать её до конца.

— Довериться мне. В симуляции. Что бы там ни происходило, держись меня. Не отпускай. И помни: это просто игра. Просто тест. Всё, что мы там увидим — не взаправду.

— А если взаправду? — она доверчиво смотрит мне в глаза. — Если чувства — взаправду?

Я не отвечаю. Потому что не знаю ответа. Я только сжимаю её ладонь в своей.

Где-то вдалеке неожиданно воет сирена — напоминание о комендантском часе.

— Мне пора, — говорит она, но не убирает руку.

— Завтра. После пар. Я расскажу тебе о симуляции. Идёт?

Она кивает. И вдруг, поднимаясь на цыпочки, касается губами моей щеки. Быстро, легко.

— Спасибо, — шепчет она, смущаясь. — Что не бросил.

И исчезает в темноте так же быстро, как появилась.

Я стою под елью и чувствую, как горит моя щека. Там, где она поцеловала.

— Твою мать, Ковач, — шепчу я в пустоту. — Ты точно влип.

Надо мной шумит сосна. Вдали затихает сирена.

Глава 7

АНЯ

Утром я выхожу из дома пораньше. Бабушка ещё спит, и я оставляю ей записку на кухонном столе: «*Ушла по делам, не волнуйся*». Она всё равно будет волноваться. Она всегда волнуется.

Ира ждёт меня на скамейке у входа в городской парк. Не того, где Макс нашёл меня в ночь Бдения, а старого, что ближе к институту. Здесь ещё сохранились клумбы — редкая роскошь для Славимира. Кто-то явно имеет связи в питомниках.

— Выкладывай, — требует подруга, едва я подхожу. Глаза у неё горят нездоровым любопытством. — Что за срочность? Ты вчера в сообщении написала такое, что я всю ночь не спала!

Я сажусь рядом, кутаясь в куртку. Утро прохладное, хотя июнь в разгаре.

— Помнишь, я говорила про незнакомца?

— Который тебя в парке нашёл? — Ира подаётся вперёд.

— А что, он тебя опять преследует?

— Не совсем. Мы... в общем, мы поговорили.

Ира округляет глаза.

— Поговорили? Ань, ты с ума сошла? С ним нельзя разговаривать! Он кто вообще? Ты выяснила?

Я мотаю головой, сглатывая ком в горле.

— Нет.

— И ты ему веришь?

— У меня нет выбора, — выдыхаю я. — Богдан на следующей неделе ведёт меня в «ДУЭТ». Если я пойду с ним — меня убьёт система. Если откажусь — его семья начнёт копать. Макс — единственный, кто предложил выход. Он, кажется, может помочь.

— А если это ловушка? Если его подослали, чтобы вычислить таких как ты?

— Я думала об этом. Всю ночь. — я тру виски, где уже начинает пульсировать боль. — Но если бы он хотел меня сдать, он бы сделал это в ту же ночь. Или передал бы мои данные куда следует. Зачем ему разыгрывать весь этот спектакль?

Ира молчит. Потом вздыхает.

— Ладно. Допустим, он говорит правду. Что дальше?

— Сегодня после пар мы встречаемся. Он обещал рассказать все детали.

— И ты пойдёшь одна? Вечером? — Ира хватается меня за руку. — Ань, это опасно!

— Если не пойду — ещё опаснее. — я сжимаю её ладонь в ответ. — Но ты можешь мне помочь.

— Чем?

— Прикрой меня перед Богданом. Скажи, что мы идём по магазинам. Он сегодня подвозить меня собирался.

Ира кривится, но кивает.

— Ладно. Но если что-то пойдёт не так — ты сразу мне пишешь. Договорились?

— Договорились.

Институт встречает привычной суетой. Я лавирую между студентами, стараясь не думать о том, что ждёт меня вечером. Мысли путаются, сердце тревожно сжимается.

Первые две пары пролетают как в тумане. Я не слышу ни слова из того, что говорит профессор. Вместо биологии перед глазами — голубоватые глаза с коричневыми крапинками.

На большой перемене иду в столовую. Ноги несут сами, хотя есть совсем не хочется. Беру поднос с супом и компотом, ищу глазами свободное место — и тут же натываюсь на знакомую фигуру.

Богдан сидит за столиком у окна, в компании каких-то старшекурсников. Увидев меня, он широко улыбается и машет рукой.

— Аня! Иди к нам!

У меня нет выбора. Я подхожу к ним, стараясь улыбаться как можно естественнее. Он пододвигает мне стул, целует в щёку при всех.

— Ты сегодня какая-то бледная, — замечает он, взгляды-

ваясь в моё лицо. — Нормально себя чувствуешь?

— Всё хорошо, просто не выспалась.

Я сажусь и краем глаза начинаю сканировать столовую. Столик, который мне интересен — в дальнем углу, у окна. Макс сидит спиной ко мне, но я узнаю его по чёрной толстовке, по тому, как он откидывается на стуле, забрасывая руку на спинку соседнего. Рядом с ним Матвей и Егор — те двое, что спугнули меня в парке. И Катя, брюнетка в кожаной куртке. Все их имена я выучила по электронному журналу посещаемости.

— Мой отец на прошлой неделе подписал важный договор с администрацией Ведасграда, — голос Богдана врывается в мои мысли. Я перевожу взгляд на него. Он говорит с лёгкой улыбкой, но в глазах — гордость. — Теперь наша семья будет курировать распределение вакцины в трёх северных районах там. Представляешь, Ань? В самой столице! Это огромная ответственность.

— Поздравляю. Это прекрасная новость.

Отец Богдана — один из тех, кто решает, кому жить, а кому умереть. Его семья — часть машины, которая уничтожила моих родителей. И я сижу здесь, улыбаюсь и делаю вид, что меня это радует.

— На каникулах мы поедем на южное побережье Тулинской губернии, — продолжает Богдан. — У отца там вилла. Закрытая зона, чистый воздух, настоящий пляж. — Он кладёт свою ладонь на мою, и по коже бегут колючки-мурашки

— не от прикосновения, от притворства. — Если хочешь, поехали с нами, Ань.

Я открываю рот, чтобы ответить, но слова застревают в горле. Смотрю на наши переплетенные пальцы и чувствую, как внутри всё сжимается от неправильности этого всего.

— Я... не знаю, Богдан. Мне нужно подумать.

Он чуть заметно хмурится — он не привык к неопределённости. Но тут...

Грохот.

Поднос с едой летит прямо на колени Богдану. Суп растекается тёмным пятном по его идеально выглаженным бежевым брюкам, компот заливает рубашку. Рядом суетится первокурсник в толстых очках — трясущимися руками пытается собрать рассыпавшиеся приборы.

— О боже! Простите! Пожалуйста, простите! Мне так неловко! — голос у парня писклявый, панический. Он хватается салфетки и начинает промокать брюки Богдана, отчего тот вскакивает с рычанием.

— Ты совсем слеп?! — рывкает Богдан, отталкивая его руки. Его лицо покрывается красными пятнами — от ярости и унижения.

— Я случайно! Честно-честно! Я просто споткнулся! — первокурсник пятится, натывается на стул и чуть не падает.

Я ахаю, прикрывая рот ладонью. Вокруг уже собираются зеваки, кто-то хихикает, кто-то сочувственно качает головой. Богдан оглядывает свои испорченные брюки с таким

видом, будто готов убить первокурсника на месте.

И тут я краем глаза замечаю знакомое движение.

Макс идёт к выходу. Не торопясь, вразвалочку, засунув руки в карманы. Он чуть поворачивает голову в профиль — и я вижу его ухмылку. Тонкую, злорадную, самодовольную.

Он смотрит прямо на меня.

Всего секунду.

А потом исчезает за дверью.

Я резко выдыхаю, осознавая ситуацию. Это он. Это он подстроил. Этот первокурсник в очках упал из-за него. Подножка или толчок — не знаю. Но та его ухмылка — она не оставляет сомнений. Он видел руку Богдана на моей. И ему это не понравилось.

— Я убью этого придурка, — шипит Богдан, стряхивая остатки еды. — Ты вообще знаешь, сколько стоят эти брюки?!

Первокурсник лепечет извинения и пятится к выходу. Я смотрю ему вслед, и в голове крутится только одно: Макс устроил это из-за меня.

Оставшиеся пары тянутся бесконечно. Я сижу как на иголках, то и дело оглядываясь на дверь. Макс не появляется. Его стул на галёрке пустует.

После звонка я быстро собираю вещи и выхожу в коридор. Богдан ждёт меня у выхода — в сменных брюках, но всё ещё злой.

— Я подвезу тебя, — говорит он тоном, не терпящим воз-

ражений.

— Спасибо, но я обещала Ире пройтись по магазинам. — Я стараюсь говорить легко, беззаботно. — Нужно купить кое-что из одежды.

Богдан смотрит на меня долгим, изучающим взглядом. Я чувствую, как его глаза ощупывают моё лицо, ищут ложь.

— По магазинам, — повторяет он медленно. — Вечером. После комендантского часа.

— До комендантского часа мы успеем, магазины в центре работают до девяти. — я улыбаюсь самой невинной улыбкой, на которую способна. — Ира уже ждёт меня там.

Он молчит ещё секунду. Потом кивает — с сомнением, недовольно.

— Хорошо. Но будь осторожна. И напиши мне, как будешь дома.

— Обязательно.

Я чмокаю его в щёку и почти бегом вылетаю на улицу.

Ладони потеют, в горле пересыхает от волнения. Я обхожу институт по периметру, выглядывая знакомую фигуру. Макс сказал: «После пар». Но где именно мы должны с ним встретиться? Он не уточнил.

Иду к главному входу, потом к боковому, потом к парковке. Там всегда много машин — студенты из богатых семей приезжают на своих, преподаватели паркуются ближе к корпусам. И среди них я замечаю знакомый чёрный джип — старую бронированную «ниву», на которой компания Макса

приехала в первый день. Может, он там меня ждет?

Я делаю шаг ближе — и замираю.

Стекла тонированные, но не настолько, чтобы не видеть силуэтов. На заднем сиденье двое. Девушка сидит сверху на парне, её голова запрокинута, волосы разметались. Тёмные волосы. Я вижу, как двигаются её бёдра, как его руки сжимают её талию.

Это та самая брюнетка в кожаной куртке из их компании. Катя.

А под ней — парень. Чёрная толстовка. Тот самый капюшон, который я так хорошо запомнила.

Мир вокруг меня перестаёт существовать. Звуки исчезают. Краски тускнеют. Я смотрю на эту машину, на эти силуэты, и внутри меня что-то ломается с хрустальным звоном.

Это он. Макс.

Он там с ней... Пока я тут с ума сходила, решая, доверять ему или нет. Пока я думала, что между нами что-то есть. Пока его улыбка, адресованная мне, согревала мне душу все эти дни.

Глаза начинает жечь. Я моргаю, пытаюсь сдержать слёзы, но они уже текут по щекам — горячие, предательские.

Как я могла быть такой дурой??

Разворачиваюсь и почти бегу прочь. Куда угодно. Лишь бы подальше от этой машины. Подальше от этой лжи. Каблуки стучат по асфальту, в ушах шумит кровь, перед глазами всё плывёт.

Я заворачиваю за угол здания — и врезаюсь во что-то твёрдое. Чьи-то руки мгновенно смыкаются на моей талии, удерживая от падения.

— Куда ты так несёшься?

Этот голос. Я знаю этот голос.

Поднимаю глаза — и вижу его. Макса. Он стоит передо мной, держит меня за талию, и в его глазах — недоумение пополам с тревогой.

— Что-то случилось?

— Пусти, — шиплю я, пытаюсь вырваться. Голос срывается, потому что слёзы душат. — Пусти меня, придурок!

Он не пускает. Наоборот, притягивает меня ещё ближе, вглядываясь в моё лицо.

— Придурок? Это чем это я успел провиниться, позволь узнать?

— ...Не трогай меня!

— Из-за чего ты плачешь?

— Из-за тебя! — выплёвываю я, колотя его кулаками в грудь. — Из-за тебя! Там, в машине... она... ты...

Я не могу договорить — всхлипы душат. Но он почему-то не выглядит виноватым. Наоборот, на его лице появляется странное выражение — облегчение пополам с усмешкой.

— Понятно, — говорит он тихо. — Посмотри на меня.

Я поднимаю глаза, полные слёз.

— Это был не я.

— Что?

— В машине. Это был не я.

— Я видела твою толстовку! — кричу я. — И Катю! Не ври мне!

Макс вздыхает, запуская свободную руку в свои темные волосы. Другой всё ещё держит меня за талию — и я почему-то больше не вырываюсь.

— Толстовка — да, моя. Я её Матвею одолжил сегодня утром, потому что его куртку кто-то спёр в общежитии. А Катя... — он кривится в ухмылке. — Катя встречается с Матвеем уже полгода. Просто они это скрывают ото всех.

Я замираю.

— Но я видела...

— Ты видела Матвея, — перебивает он. — У него такие же волосы, он чуть пониже меня, но со спины не различишь. А толстовка моя.

Я смотрю на него во все глаза. Слезы всё ещё текут, но внутри уже разливается странное тепло — то ли стыд, то ли облегчение.

— То есть... ты не...

— Нет, — подтверждает он. — Я вообще-то тебя здесь ждал. Уже полчаса торчу за этим углом, думал, ты уже не придёшь. А ты пришла и опять сразу в слёзы.

Макс усмехается, в глазах — ирония. Та самая, от которой у меня подкашиваются колени.

— Ты ревновала, что ли?

— Нет! — выдыхаю я слишком поспешно. — С чего бы

мне тебя ревновать?

Он смотрит на меня долгим взглядом. Потом медленно поднимает руку и стирает слезинку с моей щеки. Так же, как в ту первую ночь.

— Ревновала, — говорит он тихо. — И это... приятно, черт побери.

Я замираю, чувствуя, как его пальцы все ещё касаются моей кожи. Адреналин стучит по венам так, что, наверное, слышно на всю парковку.

— Макс... — шепчу я.

— Тсс. — Он прикладывает палец к моим губам. — Не надо слов. Просто... верь мне. Ладно?

Я смотрю в его глаза. Теперь они мне кажутся серыми. В них нет лжи.

— Ладно, — шепчу я в его ладонь.

Он улыбается — широко, искренне, совсем не так, как тогда в столовой.

— Тогда пойдём. Нам нужно многое обсудить до завтра.

Он берёт меня за руку — просто, будто так и надо — и ведёт за угол, подальше от чужих глаз.

Я иду за ним, чувствуя, как его ладонь согревает мою. И впервые за долгое время мне почему-то не страшно.

Глава 8

МАКС

Веду её через чёрный вход в старый спорткомплекс. Здесь уже лет десять ничего не работает — с тех пор, как Серые закрыли все «непрофильные» секции. Тренажёры ржавеют, маты пропахли плесенью, но камер нет. Мы проверяли.

Она идёт за мной, и я чувствую её взгляд между лопаток. Смотрит так, будто я сейчас растворюсь в воздухе или превращусь в монстра. Честно говоря, сам пока не решил, кто я для неё.

Захожу в бывшую раздевалку, сажусь на скамейку. Она остаётся стоять у входа, скрестив руки на груди — закрытая поза, классика. Ну давай, Морнар, не подведи.

— Откуда ты приехал в Славимир? — выпаливает она без предисловий. Голос твёрдый, но я вижу, как дергается её подбородок.

— Я не могу сказать.

— Почему?

— Потому что если скажу, тебя могут убить. Не сегодня, не завтра. Но когда начнут копать — а они начнут, если мы выживем в симуляции — любая лишняя информация в твоей голове станет приговором.

Она сжимает губы. Я вижу, как в ней борется желание надавить и страх услышать правду.

— Я ничего о тебе не знаю, — выдыхает она. — Вообще ничего. Ты появился из ниоткуда, следишь за мной, говоришь, что «ДУЭТ» — ловушка, предлагаешь... — она запинается, — предлагаешь войти туда вместе. А я даже не знаю, кто ты.

— Просто доверься мне.

— На основании чего? — вскипает она. Глаза загораются — злость ей идёт, хоть я и понимаю, что сейчас не время об этом думать. Соберись, Ковач.

— На основании того, что я здесь, — говорю жёстко. — Если бы я хотел тебя сдать, ты бы уже была в серой фуре. Если бы хотел использовать — не стал бы раскрывать правду про «ДУЭТ». Я рискую не меньше твоего. Но если ты будешь продолжать бегать от меня. Я заявлю. — нагло вру я, чтобы припугнуть её.

Она смотрит на меня, и я вижу, как её взгляд мечется между доверием и страхом. Потом вдруг выдаёт:

— Слушай, хочешь заявить — заявляй. Чего тянешь-то?

Выплёвывает слова, как семечки. Злая. Красивая. Абсолютно невозможная.

И тут до меня доходит. Вот оно что. Вот чего она боится. Не того, что я непонятный чел, знающий её секрет. А того, что я могу её предать. Прямо сейчас. Здесь. Она так испытывает меня на прочность.

Я начинаю ржать. В голос. Истерически, до слёз. Потому что если бы она знала, как сильно я влип, как нарушил все

инструкции, как смотрел на неё в столовой... Она смотрит на меня как на умалишённого. Ну и пусть.

— Слушай сюда, плакса. Я на тебя заявлять не собираюсь. Это твои проблемы, не мои.

Встаю, подхожу ближе. Она не отступает — характер есть, это плюс. Наклоняюсь, чтобы заглянуть в глаза. Трудно не утонуть в них. Ростом не вышла — едва до плеча мне достаёт. Прежде чем продолжить, делаю то, что её точно взбесит — тыкаю пальцем в лоб. Как ребёнка. Потому что ведёт она себя соответственно. Она ж на четыре года младше меня. Имею право.

— А следил тогда зачем за мной? — орёт она в спину. Я уже развернулся, чтобы уйти — надо держать дистанцию, а то наговорю лишнего.

Останавливаюсь.

— А с чего ты взяла, что я следил? — начинаю с намёка на ложь. Сам не знаю, сколько можно выдать. Незачем ей знать, что я реально за ней слежу уже полгода. — Слушай, сейчас я тебе расскажу, что из себя представляет «ДУЭТ» и какая наша будет тактика. И это всё, что тебе нужно знать.

Она молчит. Воспринимаю как сигнал продолжать.

— Официальная версия — романтика, — усмехаюсь, прислоняясь плечом к стене. — Найди свою вторую половинку или проверь чувства существующей. Алгоритмы, биометрия, нейробиология. Звучит красиво, правда?

— Я знаю официальную версию, — перебивает она нетер-

пеливо. — Дальше.

— Теневая сторона в том, что «ДУЭТ» — это гигантский сканер. Они не просто подбирают пары. Они считывают всё. Индивидуальные характеристики, нейронные связи, реакцию на стресс. Аномалии в эмоциональном фоне.

Она бледнеет. Хорошо, что сидит.

— Симуляция построена по старой религиозной модели, — продолжаю я. — Девять кругов. Как в «Божественной комедии» Данте, слышала, может?

— Да... У нас в институте была лекция по истории прошлой культуры, — кивает она. — Ад, Чистилище, Рай. Но это же просто литература.

— Для нас — просто. Для них — готовая архитектура испытаний для нового поколения. Девять концентрических кругов выживания в разных условиях. Задания нарастают по сложности. И наказания за невыполнение — тоже. Чем дальше, тем жёстче.

— И как ты собираешься это пройти? — она смотрит с вызовом. — Ты же сам сказал, что они сканируют всё.

Я киваю. Медленно задираю левый рукав.

Она сначала не понимает, просто смотрит на мою руку. Потом видит шрам — длинный, неровный, от запястья почти до локтя. Там, где они вживляют датчики участникам.

— Что это? — голос у неё садится.

— Я уже участвовал в симуляции, — объясняю спокойно. — В прошлом году. На полигоне. Это место, куда внедряют

датчик слежения на время теста. Обычно его снимают после. Но я вынул сам. И заменил на блокатор. Иначе засекли бы.

Она смотрит на шрам, и я вижу, как её передёргивает. Для неё, выросшей в стерильном Славимире, такие раны — дикость.

— Зачем ты участвовал? Спасал кого-то? — тихо спрашивает она. — Там, в симуляции?

Я молчу. Не хочу об этом говорить.

— Кого? — настаивает она.

— Не твоё дело.

— Если я должна тебе доверять, то это моё дело! — вскипает она снова. Ну точно ребёнок.

— Сестру, — выдыхаю я сквозь зубы.

Она замирает.

В раздевалке повисает тишина. Слышно только, как за стеной капает вода из проржавевшей трубы. Я смотрю в пол, потому что если подниму глаза на неё — сорвусь. А мне нельзя срываться.

— Если держаться рядом со мной в симуляции, блокатор работает на двоих, — говорю ровно, как на докладе. — Твои показатели смешаются с моими. Система не выделит твою аномалию. Всю эту неделю я буду следить за тобой. А ты делаешь вид, что мы не знакомы. Никаких взглядов, никаких разговоров. Чем меньше внимания — тем меньше подозрения.

Она молчит. Переваривает.

— Где она сейчас?... Твоя сестра?

Я встаю. Поправляю рукав, прячу шрам. Иду к выходу. У самой двери оборачиваюсь.

— Мертва.

И уйду, оставляя её в этой вонючей раздевалке. Потому что если останусь ещё на секунду — увижу жалость в её глазах. А жалости мне не надо.

ДВА ДНЯ СПУСТЯ

Мой объект — та ещё заноза. Такое чувство, что она специально усложняет мне жизнь.

В Институте я её почти не вижу — только золотистые волосы мелькают иногда среди серой массы, и всё. В аудиторию она заходит последней, делая вид, что меня не существует. А за пару минут до конца лекции начинает коситься на выход. Новые способы меня избегать? Инструкцию мою выполняет, молодец. Но почему-то бесит.

Единственное место, где она рискует появиться рядом со мной, — столовая. Но там она вечно с этим брюнетом. Богданом. Я даже имя его запомнил, хотя лучше бы стёр из памяти нафиг.

К нашему столику, кстати, всё больше народу подсаживается. Я вроде как кайфую от студенческой жизни, но не так, как Матвей с Егором — те вообще отрываются. Все эти новые девчонки, что к нам липнут, уже голова пухнет. Катя по-

стоянно ревнует Матвея — смешно, если учесть, что она сама ко мне сначала клинья подбивала.

У нас не было нормальной школы. Военная академия Дарии — это не то место, где ты «кайфуешь». Ты просто встаёшь, терпишь, повторяешь. Наш девиз. А эти тут навёрстывают. Катя с Саня уже полностью влились — одеваются как местные, дружат с местными. Часто сваливают от нас на первые ряды. Я не против, у нас и без них окружения хватает.

В один из дней Матвей ловит мой взгляд, которым я сверлю ту компанию, где вечно торчит Аня. По мне, так все они придурки, один другого круче. Но больше всего бесит, что она ходит в куртке этого брюнета. Своей формы, видите ли, ей мало. Или это он ей свою напялил, чтобы пометить территорию?

Она сидит такая беззаботная, смеётся, трещит без умолку. Какая-то рыжая девка, которая вечно с ними, втирается в их разговор, заводит его на любимую тему моего объекта — обсуждение медицины. Губы у неё так и мелькают, я успеваю уловить пару медицинских терминов. Здесь она в своей стихии — глаза горят, смотрит на свою рыжую подружку. Потом брюнет встречается, они вместе ржут над чем-то, и она на долю секунды обводит взглядом зал.

Встречается со мной глазами.

И всё. Улыбка гаснет. Она отворачивается так резко, будто я ударил её. Настроение — как корова языком слизала.

— Ковач, чего ты так пялишься на моего объекта? — Мат-

вей ухмыляется.

Я дёргаюсь, чуть шею не сворачиваю. Какого чёрта? Мысли путаются, голова кругом.

— На кого? — переспрашиваю я, потирая шею. Чувствую, ответ мне не понравится.

— На брюнета. Который рядом с той, у которой глаза странные. Ледяные будто. Они же вечно вместе, — кивает он в их сторону и шумно допивает остатки сока через трубочку.

У меня челюсть отвисает. Не верю своим ушам. Моя миссия из сложной превращается в опасную. Мы команда, у нас одна цель — курировать наши объекты и довести их до безопасного финала. Наша группа — элита, лучшие из лучших, мы можем работать параллельно, каждый со своим заданием. Эти задания — мы зовём их «поручения» — защищать важных студентов, пока им не стукнет двадцать один и не начнётся тот самый «ДУЭТ». Мы решили держать их имена в тайне, ради безопасности.

И теперь выясняется, что мой объект в шаге от объекта Матвея.

Прекрасно.

— Не говори, что эта твоя. Слушай, ну почему так-то? — ноет он, считав ответ с моего лица.

Капец. Это то, что называют конфликтом интересов.

— Не бери в голову. Что-нибудь придумаем, — вру я, хотя знаю: если придётся выбирать, выберу её. Миссию. Конечно, миссию.

И тут Матвей выдаёт то, до чего я сам не додумался. Наклоняется, понижая голос:

— Слушай, Макс. — Глаза у него горят. — А давай объединим наши усилия? Ну, они же вроде встречаются. Эти двое. Будем приглядывать за обоими, а не работать друг против друга. Мы ж все одного хотим, правильно? Чтобы они были в безопасности после симуляции.

Вижу, что он нервничает — желваки ходуном. Мозги у меня работают на полную, прокручивая варианты провала. А ведь он прав. Может сработать. Неважно как, лишь бы миссии выполнить.

Киваю, протягиваю руку — скрепляем договор, как тогда, когда в команду сбивались.

— Так, рассказывай всё, что знаешь, — требую я, голодный до любой информации, которая поможет наладить этот хилый контакт с Аней. — И кстати, насчёт «вечно вместе» ты ошибся. Я её с ним только здесь и вижу. Обычно она с одной рыжей подружкой тусуется.

— О, вон та? — кивает Матвей на кучерявую макушку, которая как раз входит в двойные двери и плывёт к своим. Подруга Ани. Ира, кажется.

— Ира! — неожиданно орёт Матвей, и все на нас оборачиваются.

Рыжая сияет, как начищенный самовар. Лопочет что-то Ане, которая упорно смотрит в другую сторону, и идёт к нам.

— Нахрена позвал её? — пихаю его в бок локтем.

Матвей лыбится, довольный, и через секунду уже меня игнорирует — Ира плюхается рядом с ним. Светлая кожа, медово-жёлтые глаза — красиво, чёрт возьми. Длинные чёрные ресницы оттеняют веки, делая её похожей на змейку. Он что-то шепчет ей на ухо, она хихикает. Кудри подпрыгивают в такт с узкими плечами. Не верится, что Матвей с ней флиртует прямо при Кате, сидящей всего в паре метров.

— Это Макс, — откашливается Матвей. — Мой лучший друг.

Кто? Я чуть водой не поперхнулся, обрызгав весь стол. Красиво стелет, ничего не скажешь. Сужаю глаза, прикидывая, как бы его потом наказать. Это ж надо — так представить своего командира! Мало того, он добивает:

— Слушай, Ира, а чего бы тебе свою подругу в следующий раз с собой не привести? Мой друг, — он закидывает руку мне на шею, — горит желанием познакомиться.

Сверлю его взглядом. Вот урод.

Хотя чем дольше думаю, тем больше понимаю: идея здравая. Если мы с Аней «случайно» подружимся через её подругу, миссия станет проще. Ира изучает меня пару секунд, заинтригованная, ждёт развития событий. Её взгляд рептилии меня нервирует — будто насквозь видит.

— Уговорить будет непросто. Она не очень-то любит людей, — отвечает рыжая, отворачиваясь к Матвею.

— А брюнета она любит. — выпаливаю я, раздражённый её намёками.

Матвей пинает меня под столом, но Ира вроде не замечает.

— Богдан. Его зовут Богдан. — Она хватает остатки бутерброда с тарелки Матвея. — Они с детства дружат. И да, связь у них странная, если честно. Идеальная пара для «ДУ-ЭТА», правда.

Матвей удивлённо вскидывает брови.

Последние слова меня взбесили. Я даже не знаю этого типа, а уже ненавижу.

Мы оба замолкаем, наблюдая за ней. Это часть тренировки — важные детали видны, когда присматриваешься. Рыжая доедает, облизывает пальцы, собирается уходить.

— Кроме лаборатории, она нигде не бывает. Ну, ещё на соревнованиях по бегу.

Мне показалось, или она мне подмигнула?

— Всё, пока, ребят! — машет нам и идёт к выходу.

На полпути останавливается, посылает воздушный поцелуй Матвею, беззвучное «спасибо за угощение».

— Ты издеваешься? — морщусь я.

— А кто сказал, что мы не можем тут кайфовать? — пожимает плечами этот нахал. Смотрит ей вслед с идиотской ухмылкой — брови домиком, улыбка жуткая.

Бесит. Я не привык за девчонками бегать, тем более за такой, как Аня. Встаю, бью его по голове.

— Пошли, друг. Пары скоро.

Он смотрит ошарашенно — весь его гоно́р как рукой сня-

ло.

— Надо ещё попасть в команду по бегу, — поясняю, не дожидаясь вопроса.

Теперь моя очередь ухмыляться.

— Да ладно! Серьёзно? — закатывает глаза Матвей. Он только языком чесать горазд.

— Я могу помочь, — рыжая выныривает из ниоткуда. Стоит у входа в столовую и улыбается нам. Слышала всё, зараза. — Только при одном условии.

— Каком? — настораживаюсь я.

— Ты не причинишь Ане вреда, — говорит она тихо, глядя мне прямо в глаза. — Она моя лучшая подруга. Если с ней что-то случится по твоей вине — я тебя достану. Даже из-за стены.

Я смотрю на неё. Медово-жёлтые глаза сейчас совсем не дружелюбные. В них — сталь и готовность убивать. Интересно, она тоже эмпат? Или просто хорошая подруга?

— Договорились, — киваю я.

Глава 9

АНЯ

Моё состояние с каждым днём всё хуже. И это при том, что я делаю всё возможное, чтобы его избежать, как он и просил.

Но судьбе плевать на мои желания — она решила поиграть со мной в злые игры. Как забыть о Максе, если он то и дело выныривает из ниоткуда? Особенно теперь, когда Ира тусуется с его дружкой Матвеем. Мало того, это имя стало оружием против меня — «Макс» теперь звучит отовсюду. То обсуждают его внешность, то его наглость, которая притягивает слухи и чьи-то там желания.

Моя жизнь — тонущий корабль, который засасывает в воронку. А на следующей неделе тест на вирус. Я на грани.

Никогда раньше не боялась этого теста. По крайней мере, не так. Симптомы всё очевиднее, игнорировать их невозможно. Да и в глубине души я всегда знала, что этот день наступит. Я же дочь Нины и Николы — тех самых учёных, что сидели за большим столом, нося в себе активный вирус. Для Славимира это был высший уровень измены — знать о заразе и скрывать ради своих целей. «Государственная измена» — эти слова до сих пор гремят в голове, когда я вспоминаю тот проклятый день. Естественно, они не могли допустить повторения. Поэтому и придумали этот тест. Ручной тестер,

который протыкает кожу за ушами и на месте определяет, есть ли вирус.

— А если не прийти? — тень плана начинает вырисовываться в голове, рождая хрупкую надежду.

Хотя я должна знать: от теста не увиливают. Найдут и заставят силой. Как аукнется, так и откликнется. Я попала под бумеранг родительского прошлого. Но я думала, у меня есть время. Мне нужно больше времени.

Всё пошло наперекосяк с той ночи в парке, и это не остановить.

Недосып, потеря аппетита, головокружение — классические симптомы по учебнику. Если бы только это. Меня пугает другое: реакция тела на внутренние раздражители. Стоит только подумать об этих серых глазах — и кровь закипает под кожей, мутится сознание, сердце колотится. Поэтому я зарываюсь в работу, пропадаю в лаборатории среди пробирок и образцов. Часто обедаю там же, посвящая каждую свободную минуту поискам антидота. Спасательного круга для мира и для себя. К тому же я не выношу жжения, которое вспыхивает под кожей, когда я рядом с ним. Оно настолько сильное, что кажется — под кожей копошатся микроскопические твари.

Однажды вечером, уже после занятий, громкий стук в дверь заставил меня подпрыгнуть так, что я чуть не упала со стула. Эхо ещё гуляло по тёмному коридору, когда матовое стекло отъехало в сторону, открывая довольную физио-

номию Богдана.

— Очень смешно! — огрызаюсь я, щурясь.

— Ну Ань, ты бы видела своё лицо, — ухмыляется он, прикрывая рот ладонью.

Моя робкая улыбка хранит тысячу слов, которые никак не превратятся в звуки. Подхожу к столу, ищу хоть что-то, что могло бы стать темой для разговора. Безуспешно.

— Чем занимаешься? — вырывается само собой, нарушая тишину и делая момент ещё более неловким.

Я никогда так с ним не разговариваю, но когда всё идёт наперекосяк, «нормально» теряет смысл.

— Хватит, Ань. Давай сразу к делу. Ты меня пугаешь последнее время, если честно. Что с тобой? Я тебя вечность не видел, а ты мне даже не рада.

Он подходит ближе, и я вижу то, что скрывала его улыбка. В глазах — боль пополам с подозрением.

— Ты от меня шарахаешься последнюю неделю. В столовой сидишь с таким видом, будто хочешь сквозь землю провалиться. И взгляд у тебя вечно в одну точку. — Он мнёт край моей тетради, не замечая этого. — Если у тебя кто-то появился, ты лучше скажи сразу. Я пойму. Но эта неопределённость меня убивает.

Сердце пропускает удар. Он догадался? Или просто ревнует?

— Богдан, нет! — выдыхаю я слишком поспешно. — Никого у меня нет. Честно.

— А взгляд? — он впивается в меня глазами. — Ты смотришь на меня и будто сквозь. Я для тебя кто? Друг детства? Жених по договорённости? Или...

— Ты всё для меня, — перебиваю я, и это чистая правда, просто иначе, чем он думает.

Он замирает. Смотрит выжидающе. Недоверие в его глазах сменяется чем-то другим — надеждой пополам с отчаянием.

— Докажи.

Я не понимаю.

— Что?

— Докажи, что я для тебя что-то значу. — Он делает шаг, сокращая расстояние. — Поцелуй меня. Не по-дружески в щёку. По-настоящему.

Я цепенею.

— Богдан...

— Если ты моя невеста, если между нами что-то есть, докажи это. — В его голосе проскальзывают жёсткие нотки, которых я раньше не слышала. — Сейчас.

Он тянется ко мне, и я понимаю — если не остановить это сейчас, будет поздно. Я не могу. Не потому, что он плохой. А потому что мои губы помнят только одно прикосновение — пальцев парня из парка. И это неправильно по отношению к нему.

Я упираюсь ладонями ему в грудь.

— После «ДУЭТА».

Богдан застывает.

— Что?

— Когда мы пройдем «ДУЭТ», — говорю твердо, хотя внутри всё дрожит. — Когда алгоритмы подтвердят нашу совместимость. Только тогда. Это будет правильно. По-настоящему.

Богдан смотрит на меня долгим взглядом. В нём борются раздражение, уважение и... облегчение? Странно.

— Ты серьёзно?

— Вполне.

Он отступает. Проводит рукой по лицу, выдыхает.

— Ладно. — Голос уже мягче. — Я подожду. Я уважаю твой выбор.

Я выдыхаю. Пронесло.

— Кстати, команда снова в сборе, — Богдан переключается на более лёгкую тему, и я благодарна ему за это. — Мы выбрали новых атлетов на новый забег пару дней назад. И знаешь, они реально крутые. Особенно этот Макс Ковач, про которого все говорят. Он полный придурок, но ты б видела, как он бегаёт.

Если бы не крутящееся кресло за спиной, я бы рухнула на пол.

— Здорово! — выдыхаю я с самым жалким энтузиазмом.

Макс уже отнимает у меня даже маленькие радости. Я люблю смотреть лёгкую атлетику, болеть за друзей. Теперь и это придётся вычеркнуть, чтобы с ним там не пересечься.

Богдан смотрит озадаченно.

— Я что-то не то сказал?

Его прямой вопрос приводит меня в чувство. Прочищаю горло, резко встаю.

— Нет-нет! — машу руками как ветряная мельница. — Я просто несколько дней нормально не спала. Мысль одна покоя не даёт, но я разберусь.

Чувствую себя чуть лучше — хоть в этот раз не соврала полностью. Хотя бы часть правды.

— Опять работа? — щурится он, будто не веря.

Киваю быстро — если не говорить вслух, то и ложь не считается.

— Отдохнуть тебе надо, — он кладёт руку мне на плечо и осторожно сжимает.

Я склоняю голову, утыкаясь щекой в его ладонь. Как же хорошо чувствовать человеческое тепло. Странно, но после этого разговора, каким бы неловким он ни был, мне легче.

— Сегодня товарищеский забег. Новенькие тоже будут. Покажут себя. Приходи.

Надо бы отказаться. Но как теперь?

— Ну пожалуйста? — Богдан хлопает ресницами.

— Ладно. Приду. — сдаюсь я, закатывая глаза и толкая его в грудь. — А теперь дай поработать!

— Так точно! — улыбается он во все тридцать два.

Разворачивается, жмёт кнопку на стене. Электрическая дверь шипит, но перед тем как выйти, Богдан добавляет по-

детски:

— Буду искать тебя на трибунах.

— И я уверена, что пожалею об этом, — шепчу я, когда дверь закрывается.

Сердце уже заходится лишь при одной мысли, что снова увижу Макса.

Забег начинается, и я уже жалею, что пришла.

Стадион находится прямо в сосновом лесу — старая военная база, которую переделали под спортивные нужды. Трасса петляет между вековых стволов, ныряет в овраги, взлетает на насыпи. В воздухе пахнет хвоей — небо затянуло, собирается гроза.

Ира тащит меня на самые верхние ряды — отсюда видно всё как на ладони. Внизу начинается разминка. Я выцепляю взглядом Матвея — он дурачится, толкая Егора, который сосредоточенно завязывает шнурки. Катя стоит чуть поодаль, делая вид, что её не интересует Матвей, но я вижу, как она косится в его сторону.

И он.

Макс стоит на краю спортивной площадки, разминая плечи. Чёрная майка облепляет торс, открывая руки — жилистые, с выступающими венами, совсем не такие, как у изнеженных местных парней. Он будто вырезан из другого мате-

риала. Из того, что не гнётся.

Стартовый свисток разрезает воздух.

И начинается магия.

Богдан был прав. Новенькие хороши, но Макс — это нечто. То, как он уворачивается от препятствий, прыгает, перелетает с дорожки на дорожку, завораживает всех. Трасса здесь злая: лазеры, имитирующие выстрелы, выскакивающие из-за деревьев манекены, резкие перепады высоты. Он проходит это всё с такой лёгкостью, будто был рожден лишь для этого.

Ира вскакивает, кричит, болеет за Матвея, когда тот уворачивается от манекена. Егор получает снарядом по плечу, его сносит траекторией, но он цепляется за дерево и остаётся на ногах.

Все кайфуют от игры.

Кроме меня.

Ладони мокрые, воздуха не хватает. Я смотрю только на него — как он движется, как дышит, как преодолевает препятствия. И с каждым его движением внутри меня что-то сжимается.

Макс вырывается вперёд. Обходит Матвея, легко перепрыгивает через ров с водой и несётся к финишу — огромному экрану, вмонтированному в скалу.

Я встаю, пробиваюсь локтями сквозь орущую толпу к выходу — глотнуть свежего воздуха. Сердце колотится так, что, кажется, сейчас выпрыгнет.

И тут стадион взрывается.

Ор, хлопки, сумасшедший шум. Я оборачиваюсь на секунду — Макс стоит на финишной платформе, первый. Он кланяется, прижимая руку к груди.

И смотрит в упор.

В мою сторону.

Прямо на меня.

Сердце совсем останавливается. Ноги ватные. Кое-как добираюсь до выхода, спотыкаясь и наступая на ноги окружающих. За спиной ещё долго гремит стадион, но я уже ничего не слышу.

Одна. Наконец-то я одна.

Дыхание выравнивается, голова ещё гудит, но тишина успокаивает. Прислоняюсь к стене, уперевшись руками в колени.

Через минуту в коридор влетает Ира, натыкаясь на меня.

— Ань, ты в порядке? Что случилось? — орёт она, застав меня врасплох.

Щурюсь от света, тяжело дышу.

— Кажется, у меня была паническая атака.

Ира упирает руки в бока. Смотрит на меня тем своим взглядом — медово-жёлтые глаза сейчас похожи на глаза рептилии, которая видит тебя насквозь.

— Тебе надо чаще выходить из своей лаборатории. Пора уже и повеселиться, подруга. Пошли со мной!

Она хватает меня за руку и тащит на парковку.

— Куда мы идем?

Ира садится за руль старенького электрокара — она ещё та шофёрша.

— Сначала переоденемся. Потом на вечеринку.

Красивый оранжевый закат отвлекает нас на минуту. Похоже, дождя не будет. Я открываю рот, чтобы отказаться от вечеринки, но она поднимает кулак:

— Даже не думай. Это последний шанс повеселиться до «ДУЭТА». И потом, это одна из вечеринок Никиты. Ты хоть слышала про его знаменитые подпольные тусовки?

Фыркаю обиженно, хотя понятия не имею, кто такой этот Никита. Но решение уже принято.

— А знаешь что, Ир? Ты права. Погнали!

Мне нужны перемены. Что-то, что отвлечёт меня от мыслей о Максе. Да и какие шансы, что он там будет? Это же не публичная вечеринка.

— Вот это моя девчонка! — Ира жмёт на газ, и мы уезжаем в закат, напевая песню, которую она надеется услышать сегодня на танцполе.

Глава 10

МАКС

Бег — это единственное, где я перестаю думать.

Звучит пафосно, но это правда. Когда ты на пределе, когда каждая мышца вопит, а лёгкие горят огнём — мозг отключается. Остаётся только тело. Только движение. Только инстинкты.

Здесь, в Славимире, я задыхаюсь без этого. Без возможности выключить голову хоть на минуту. Поэтому, когда Богдан объявил про отбор в команду по легкой атлетике, я сразу ухватился за шанс.

— Ты серьёзно хочешь в это впрягаться? — спросил Матвей, когда мы шли на стадион. — У нас миссия, между прочим.

— У нас миссия — быть незаметными, — огрызнулся я. — А что может быть незаметнее, чем вписаться в местную движуху?

Он хмыкнул, но спорить не стал. Потому что знал: я прав.

Отбор прошёл даже легче, чем я думал. Мы с Матвеем и Егором влупили тридцатиминутную тренировку за половину времени — местные стояли с открытыми ртами. Пришлось срочно придумывать легенду про то, что у нас в городе была такая же команда. Матвей так увлечённо врал про «ультрасовременный стадион» и «еженедельные чемпиона-

ты», что я сам чуть не поверил.

Егор, кстати, тоже талантливый врун. Вжился в роль так, что теперь местные таскаются за ним, умоляя рассказать ещё про «невероятные соревнования». Смешно.

Команда собралась так себе. Пара парней с нормальной реакцией, остальные — деревянные. Богдан, кстати, оказался лучше, чем я думал. Двигается чётко, просчитывает траектории. Бревно, конечно, каких поискать — в нём вообще нет спонтанности. Но бегаёт прилично. Бесит признавать это, но факт.

— Сегодня показательный забег, — объявил он нам в раздевалке. — Спецпрограмма, чтобы проверить новичков в деле. Арена будет работать на полную мощность.

Я кивнул, хотя внутри уже всё закипало от предвкушения. Наконец-то хоть что-то интересное.

Трибуны забиты под завязку. Гудят, скандируют, хлопают. Я сижу внизу, в так называемой «зоне ожидания», и сканирую толпу в поисках золотистых волос. Ира обещала привести её. Сказала, что уговорит.

Ни её, ни подруги пока нет.

— Готовьтесь! — голос Богдана выдёргивает из мыслей.

Мы грузимся в лифт. Стеклокабина ползёт вверх сквозь толщу здания. Я смотрю на голографические часы над ареной — они отсчитывают последние секунды. Толпа орёт хором, и от этого гула вибрируют стёкла.

Мы выходим в яму, и масштаб накрывает с головой.

Если б я не знал про существование стимуляторов эмоций, решил бы, что тут замешана какая-то магия. Белые стены перестраиваются на глазах, являя три бетонные громады выше четырёхэтажки. Четвёртая сторона, где трибуны, превратилась в толстое стекло — защита для зрителей.

Обернувшись, вижу, как тренировочное поле закипает пиксельными волнами.

Последняя секунда — взрывной сигнал.

Забег начался с полного хаоса.

Смотрю на Матвея — он пялится на движущиеся стены с открытым ртом. У самого мозг зависает на секунду, пытаюсь найти логику в происходящем. Платформы всех размеров вылезают на разной высоте. Пол под ногами проваливается.

Едва успеваю пригнуться, прежде чем поверхность подо мной рассыпается в пыль и исчезает в бездне.

— Погнали! — орёт Матвей, и мы прыгаем.

Хватаемся за выступы, уходим от провалов, карабкаемся выше. Правила простые: уворачивайся от всего и доберись до финиша вовремя. Но они забыли упомянуть, что можно остаться без конечности по дороге.

Я в восторге и в ужасе одновременно.

Адреналин правит балом, тащит меня наверх. Краем глаза замечаю тень — Егор словил снаряд. Падает, глухо бьётся о платформу. Стонет. Хочется помочь, но у меня свои проблемы.

Огромный шар несётся прямо на меня. Спаситься можно только щелью в стене справа. Прыгаю за секунду до того, как платформа разлетается вдребезги, цепляюсь за выступ, вжимаюсь в бетон. От удара в ушах звенит так, что чуть не разжимаю руки.

Но даже сквозь звон слышу, как трибуны сходят с ума, скандируя что-то.

Богдан уворачивается от чего-то огромного неподалёку, лезет вверх, красуется. Почти на вершине. Бесит, но он реально лучше, чем я думал. Под этой скучной формой — армейская выучка. Интересно, где он её получил? Местные же не воюют.

— Ковач, берегись!

Матвей орёт, давая мне полсекунды, чтобы прыгнуть на движущуюся платформу слева, пока та не исчезла в стене.

Прыгаю, карабкаюсь по ступеням, догоняю Богдана. Финишируем одновременно, но я успеваю выпрямиться на долю секунды раньше.

— Неплохо, — цедит он, поднимаясь следом. В глазах — холодное бешенство. Видимо, терпеть не может проигрывать.

Я только киваю. Я сам такой же.

Матвей с Егором перелетают через гребень, за ними остальные.

— Что это было? — спрашивает Егор, красный как рак, держась за бок.

— Круто увернулся, чувак! — Матвей хлопает его по спине.

— Ага, только рёбрами, похоже, и поплачусь за это, — кривится тот.

Жмём руки, поздравляем друг друга. И тут я снова сканирую трибуны.

Нахожу её сразу.

Аня стоит у прохода. Смотрит на меня. Даже отсюда, через стекло, через сотни метров, я вижу её глаза. Большие, светлые, испуганные.

А потом она разворачивается и начинает пробиваться к выходу. Слишком резко, слишком агрессивно для её хрупкой фигурки. Толпа смыкается вокруг неё, как волны, но она плывёт против течения.

Я забываю про Богдана. Про Матвея. Про то, что на меня смотрят камеры. Смотрю только на неё.

Она как рыба в бурном море. Шторм всё сильнее, вот-вот сожрёт её.

Кланяюсь. Медленно, театрально, в её сторону. Держу взгляд, надеясь, что она обернётся. Что увидит. Что поймёт: этот жест — для неё.

Она не оборачивается. Исчезает в туннеле выхода. Пялюсь в пустоту, где она только что стояла.

Таймер останавливается. Тот же оглушительный сигнал возвещает о конце игры. Уборщики-роботы берутся за работу, превращая арену обратно в сияющий аквариум.

— Ты выглядишь так, будто хочешь кому-то втащить, — Матвей материализуется рядом со мной.

Молча прожигаю его взглядом и топаю к стеклянному лифту.

— Ты это, поосторожней, — он кладёт руку мне на плечо, притормаживая. — Если б я тебя не знал, сказал бы, что она задела твои чувства.

— Если ты сейчас не заткнешься, я на тебе и оторвусь, — шиплю в ответ.

— Да я просто так, — он поднимает руки, сдаваясь. Но в глазах — понимание.

Пока поднимаемся, в голову лезет противная мысль. Да нет, бред. Не может он быть прав.

Трясу головой, отгоняя мысль. Ненавижу эти сердечные копания. У меня всё либо чёрное, либо белое. Серое — только путаница. А это значит, что мне плевать. Аня — просто миссия.

Миссия.

Мысль рушится, как только влетаем в раздевалку. Там целый праздник. Все на ушах, хвалят нас, хлопают по спинам.

— Ковач, ты где пропадал всё это время? — ко мне подлетает Никита, местный авторитет, закидывает руку мне на шею. — Слушай, ты просто должен прийти на вечеринку сегодня! — он смотрит на остальных, ждёт от них поддержки.

— Точно-точно, мы все идём! — встречается Егор, забыв про ушибленные рёбра.

Остальные поддакивают. Похоже, мы хорошо втёрлись в доверие. Нас даже зовут на подпольное мероприятие.

Матвей смотрит на меня щенячьими глазами. Решать мне. Вечеринки здесь вне закона. Попадёмся — вышлют обратно. А если вышлют — миссия провалена. Командир с меня шкуру спустит дома.

Но с другой стороны — Богдан тоже идёт. Я слышал, как он обсуждал это с кем-то в коридоре. А Матвею нужно за ним следить. Не встану же я между ним и его заданием? А мне... Мне просто нужна передышка.

— Идём! — соглашаюсь наконец.

Егор вешается мне на шею.

— Вот это наш пацан! — орёт он, скалясь.

Богдан стоит у шкафчика, делает вид, что не слушает нас. Но я вижу, как он косится в нашу сторону. Оценивает. Прочитывает.

Терпеть не могу, когда меня так прочитывают.

— Эй, Ковач, — окликает он меня вдруг. — Не думай, что эта победа что-то значит. Следующий раз будет по-другому. Сложнее.

Я усмехаюсь. Медленно поворачиваюсь к нему.

— Тогда тренируйся больше, соперник.

Он кривится, отворачивается. Матвей пихает меня локтем — мол, зачем дразнишь? А я не знаю. Просто бесит он меня. Всё в нём бесит. Особенно то, как он смотрит на неё. Как кладёт руку ей на талию. Как рассчитывает, что они

пройдут «ДУЭТ» вместе.

В груди неприятно жжёт. Отворачиваюсь, хватаю полотенце.

— В душ, и валим отсюда, — бросаю своим.

Глава 11

АНЯ

Мы в комнате Иры от силы минут десять, а здесь уже будто бомба взорвалась. Она решила найти идеальный наряд и теперь ныряет в глубины своего встроенного шкафа, разбрасывая шмотки во все стороны. Часть валяется на полу, остальные или висят на самодельной люстре, или торчат из-за деревянной створки, как языки пламени.

К моему ужасу, я сижу на кровати и наблюдаю за этим цирком. Ира примеряет один наряд за другим, крутится перед зеркалом, поёт, танцует в какой-то розовой тряпке, которую собралась надеть следующей. Я вообще не понимаю, где она собрала столько одежды. Довоенной, старой, совсем не похожей на наши унылые форменные обноски. Её коллекция — как музей, только яркий, живой, настоящий.

Дома, подальше от чужих глаз, Ира всегда такая. Открытая, как книга. Грустная или счастливая — никогда не прячется. Вот бы мне так — быть беззаботной, веселиться. Но когда тебя по ночам душат тени прошлого — как?

Ловлю себя на том, что сижу и пялюсь в одну точку, качаю головой непонятно почему. Ира скручивает платье, которое держит в руках, в тугий комок и запускает мне в лицо.

— Эй, ты чего? — хлопаю глазами, выныривая из мыслей.

— Хватит мечтать, переодевайся! В этом на вечеринку к

Никите нельзя.

Она неодобрительно смотрит на мою серую форму, на дурацкие пуговицы под горло.

— А что не так? Я всегда так хожу.

Встаю, обиженно подбоченившись.

— Именно! — Ира довольно скалится. — Давай-ка сделаем так, чтобы ты была похожа не на себя, а на человека.

Она манит пальцем, и я скручиваю платье в такой же комок и запускаю обратно. Ткань пролетает пару метров и жалко шлёпается на пол.

— Хорошая попытка, — хмыкает Ира, и мы обе заходимся смехом.

Я никогда не могу на неё злиться, как бы жёстко она ни выражалась. Наша дружба — это всё. Она всегда желает мне только лучшего. Сдаюсь и начинаю мерить то, что она накидала на кровать.

— Это даже трусами не назовёшь, — бурчу я, натягивая пятое по счёту короткое платье.

Оно едва прикрывает бёдра, сколько ни тяни. Я не такая высокая, как Ира, но фигура у меня попышнее. В итоге выбираю то, что комфортно мне — чёрные джинсы и свободную рубашку, которую Ира заставляет расстегнуть на верхние пуговицы. Ткань сползает с плеча, открывая ключицу, и я уже чувствую себя голой.

— Это идёт, — кивает она довольно. — Таинственно и чертовски привлекательно.

Ира кружится в цветочном платье и коричневых сандалиях. Выглядит как героиня из старых книжек, которые бабушка читала раньше — про времена, когда воевали пушками и людьми. Красивая до невозможности. Мне бы её раскрепощенную уверенность...

— Пора, — говорит Ира, бросив последний взгляд в зеркало.

Машину бросаем в паре километров от границы, за горой металлолома и запчастей. Если верить старым байкам, в этой забытой всеми части города должны шастать твари из-за стены. Я понимаю, конечно, что страшилки — это чтобы дети не совались в запретную зону, но рядом с ней всё равно не по себе.

Дальше идём пешком по гравийке в темноту. Солнце село, приглашая ночных тварей вылезать из нор. У старого силоса Ира сворачивает с тропы и идёт прямо вверх по травянистому холму. Луна светит на полную, заливая всё вокруг серебром, и дорога оказывается даже приятной.

— Вон там! — Ира ускоряется, тыча пальцем в странную рощу старых деревьев, верхушки которых склоняются к земле, будто в молитве.

Маленькое строение с полуобвалившейся крышей прячется под их защитой. Мерный, ритмичный гул музыки ве-

дёт нас внутрь, встречая запахом сырости. Ире плевать на темноту — она устремляется прямо к двери в подвал и с грохотом распахивает её. Волна горячего воздуха и грохот музыки накрывают нас с головой. Мы на месте.

Увидев мою обалдевшую физиономию, Ира заходится смехом.

— Чего? Думала, прямо здесь будет вечеринка что ли?

Она смеется, пытаясь перекрыть шум, и летит вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Судя по всему, это один из тех старых бункеров, что построили до конца света. Бабушка рассказывала, как люди в них прятались, когда начались бомбёжки, и не знали, что вирус уже лезет в вентиляцию. Если Никита знает эту историю, у него большое чувство юмора — устроить тусовку в братской могиле.

Мурашки ползут по спине, пока спускаюсь в эту дыру. Только старые аварийные лампы освещают путь — горят бледно-синим, некоторые мигают в ритм музыке. Стены покрыты плесенью, кое-где видны облупившиеся плакаты с довоенными лозунгами.

Глаза привыкают к темноте, и я вижу толпу. Люди танцуют, головы прыгают вверх-вниз под стробоскопами. В воздухе висит сладковатый дым — кто-то курит запрещёнку.

— Богдан! — кричит Ира, махая ему.

Он замечает нас, подходит с тремя пластиковыми стаканами. Жидкость плещется, оставляя тёмные круги на полу.

Я в панике. Если что-то пойдёт не так... Внутренний голос кричит, что я идиотка. Ира, как всегда, вовремя — суёт мне стакан, заставляя пить.

Тёмная жидкость обжигает горло, разливается огнём внутри. Кашляю, но пламя уже ползёт дальше, выжигая все барьеры, все запреты, всю эту дурацкую осторожность, которую бабушка вбивала в меня двадцать лет.

Богдан еле сдерживает смех, глядя на мою перекошенную физиономию.

— Полегче с этим, Ань, — смеётся он. — Это же не компот.

А потом — меня отпускает.

С каждым глотком барьеры рушатся, напряжение уходит, сменяясь чистым, пьяным, тёплым кайфом. Я впервые в жизни чувствую себя такой... живой. Настоящей. Не той, что прячется, не той, что боится. Просто собой.

— Я сейчас! — выкрикивает Ира и исчезает в толпе, растворяясь в разноцветных вспышках.

Мне уже все равно. Я закрываю глаза и просто плыву по течению музыки. Она пульсирует в висках, в груди, в кончиках пальцев. Я двигаюсь, сама не замечая как, растворяюсь в ритме.

Музыка стихает, наша группа берёт паузу. Резкая смена вышибает меня из транса, мир наклоняется, и я теряю равновесие — лечу прямо на пол.

Богдан ловит меня вовремя. Прижимает к себе, смотрит

так, как никогда не смотрел. Время замирает. Только его сердце колотится где-то рядом и стробоскопы мигают, выхватывая из темноты его влюбленное лицо.

Он бы стоял так вечность.

Для меня этот момент — другое. Внутри пустота. Ничего не ёкает, не переворачивается. Только благодарность, что не дал упасть.

— Мне надо в уборную, — шепчу я ему в ухо.

Я слишком пьяная, чтобы заметить, как близко находятся наши лица. Мои слова обжигают его — я чувствую, как он вздрагивает. Но он только сильнее прижимает меня на секунду, будто собирается с силами.

— Я провожу. Чтоб не потерялась.

Мы идём сквозь толпу, держась за руки. Его ладонь тёплая, сухая, надёжная. Такая правильная. И совершенно чужая.

— Я подожду тебя здесь, — сообщает Богдан, когда мы добираемся до импровизированной «дамской комнаты».

Я киваю и исчезаю за спинами расшумевшихся девчонок.

— Богдан, блин, мы тебя обыскались везде! — сзади подходит Миша, капитан легкоатлетов. Хватает того за рукав, тащит. — Никита опять выпендривается. Говорит, выпьет всю бутылку рома за раз. Ты не можешь этого пропустить!

— Я Аню жду! — упирается Богдан, оглядываясь на дверь.

Но музыка взрывается снова, заглушая голос. Толпа подхватывает Мишу и Богдана, вынося их в самый центр бедлама.

Я выхожу из кабинки, шатаюсь. Голова кругом, стены плывут. Надо найти воздух. Надо протрезветь. Надо найти Богдана.

Плетусь одна по коридору, ведущему в другой отсек бункера. Здесь прохладнее, спокойнее. Лампы горят тускло, некоторые выбиты. Хотя бы здесь потише.

Дёргаю двери, надеясь найти выход на улицу. Время течёт иначе без шума толпы — тягучее, вязкое. И когда мне кажется, что хуже уже некуда, я открываю последнюю дверь.

И замираю.

Макс сидит на каком-то ящике, привалившись спиной к стене. А на коленях у него — девушка. Блондинка с идеальными локонами, в облегающем платье. Она обвивает шею Макса руками и целует его шею.

Жестокая шутка вселенной.

Макс выдыхает и чуть опускает голову. Наши глаза встречаются на секунду.

Я срываюсь с места и бегу. Быстрее, чем когда-либо в

жизни. Каблуки стучат по бетону, сердце разрывает грудную клетку, в горле ком размером с кулак.

— Аня!! — орёт он мне вслед, но меня уже нет.

Лечу по коридору, не разбирая дороги, врезаюсь в какие-то ящики, едва не падаю. Воздух рвёт лёгкие, слёзы хлещут по щекам, и я даже не пытаюсь их остановить.

Влетаю в главный зал, где музыка грохочет так, что закладывает уши. Толпа танцует, ничего не замечая. Я продираюсь сквозь тела, и вдруг передо мной вырастают Ира и Матвей. Они танцуют свой неприличный танец, вплетаясь друг в друга.

Я молча выхватываю стакан у Иры, осушаю залпом. Жидкость уже не так сильно обжигает горло, разливается тупым огнём в груди. Надеюсь, это заставит меня забыть увиденное.

— Ещё, — тычу пустым стаканом в подругу. Голос будто чужой, не мой.

— А ты боялась за неё! Видишь, как веселится, — ржёт надо мной Матвей.

Мне плевать. В голове только одно: он целовал её. Он целовал её, пока я тут с ума сходила, пока думала, что между нами что-то зарождается. Дура! Какая же я дура...

— Хватит тебе, — Ира забирает у меня стакан, вглядываясь в моё лицо. Она что-то видит. Что-то не то. Придерживая меня за талию, тащит меня в угол, где потише.

— Что на тебя нашло, Ань? Сиди пока здесь, я принесу воды.

Она пытается усадить меня на какой-то ящик и уходит.

Пространство перед глазами кружится. Внутренняя буря разгоняет торнадо. Тошнит, душно, жарко, холодно одновременно. Стены сжимаются.

Не могу её ждать.

Кое-как выползаю наружу, с трудом сдерживая рвоту.

Ира возвращается с водой, когда меня уже нет.

Обыскивает взглядом толпу, но чутьё подсказывает: я свалила. Она пробирается к выходу, натываясь на танцующих.

— Ты не видел мою подругу? — кричит она Матвею, игнорируя Макса, стоящего рядом с каким-то парнем. — Она должна была ждать там, а её нет!

— Прости, детка, — пожимает плечами Матвей, делая глоток из бутылки.

Но потом, глянув на Макса, замечает что-то в его лице. Что-то, отчего его ухмылка сползает.

— Куда Морнар могла пойти, не знаешь Макс? Сама в хлам вообще была. Наверное, веселится где-то уже. С кем-то. В её вкусе.

Матвей многозначительно смотрит на Макса. Тот бледнеет на глазах. Резко разворачивается и срывается с места, расталкивая толпу локтями.

— А он куда?? — хмурится Ира, провожая его взглядом.

— Да хрен его знает, — Матвей притягивает её к себе, целует в шею, отвлекая. — Не парься, Ириш. С ним вечно что-то не так.

Глава 12

МАКС

Твою мать, где она?

Обыскал каждый угол внутри — ноль. Голова заполняется кошмарами, один страшнее другого. Холод пробивает грудь, приходится остановиться и выдохнуть. Игнорирую странную боль, пытаюсь мыслить ясно. Времени нет на эту хрень.

Так, думай, Ковач. Думай, мать твою! Всю ночь ничего подозрительного не видел. Уже хорошо. Если бы СОФ нагрнул, мы б знали. Богдана видел с командой, Егора с Матвеем. Все на месте. А где она?

Опять начинаю тихо ругаться. Я не пил сегодня, почему тогда так туго соображаю? Кусаю щеку в отчаянии — всегда так делаю, когда всё идёт по одному месту. Зная, какая она упрямая и детская, думаю — наверное, выперлась наружу одна. Лечу вверх по лестнице, молюсь всем богам, чтоб нашёл её целой, а не в лапах бунтарей или, хуже того, патруля СОФ.

Это всё на мне. Сам не знаю, что на меня нашло тогда — потерял контроль как пацан. Твою ж, от одной мысли опять бесит. Ну и что, что я их видел вместе на танцполе? Не моё дело, что там у них было. Слава богу, Матвей был рядом и остановил вовремя, а то я б из этого брюнета душу всю вытряс.

Глупая ошибка новичка. Я слишком привязался к своему объекту. Больше не повторится. Да и не должно было. Но с тех пор как я её встретил, сам себя не узнаю. Может, я просто слишком сильно опекаю свой объект, зная её столько времени? Иначе фиг знает, почему я рядом с ней такой. Но это не оправдание. Надо было следить за ней до конца, а не сваливаться и искать себе легкую добычу на вечер, похожую на неё по внешности.

На выходе натыкаюсь на парочки, тискающиеся на лестнице. Голубой свет делает их похожими на жмуриков. Хватаю одну из бутылок с водой со столика. Проверяю, чтобы крышка была не тронута. Вроде норм. Открываю, делаю несколько глотков.

Вылетаю из подвала в этот вонючий смрад, задерживаю дыхание, пытаюсь понять, где я. Маленькая каморка выглядит ещё хуже, чем раньше — луна подсвечивает всё это убожество. Плесень пополам с травой, пробивающейся к небу. Арка бывшего входа обрамляет картинку: лес, залитый серебряным светом. Красиво до мурашек.

Несколько шагов — и я под открытым небом. Свежий ветер, успокаивает, настраивает на то, что будет дальше. Решаю идти по следам Ани в сторону города. Повезёт — найду её до проблем.

Только дохожу до деревьев — слышу звуки из-за развалин. Глухие такие. Иду на них, надеюсь, что молитвы мои услышаны. Не могу поверить! Вот она — кашляет, оперев-

шись о стену. Смотрю и выдыхаю с облегчением. Эмоции внутри разрывают: и холодно, и жарко. Легче стало, хоть сердце и разрывается видеть её такой. Ну зачем ты так напи-лась-то?

Выхожу из-за угла, бесшумно приближаюсь.

— Ну, конечно, пить она не умеет, — вылетает само собой.

Стою в паре шагов, руки скрестил. Рад, что цела, хотя уверен — видеть меня не хочет. Она вытирает рот тыльной стороной ладони и сверлит меня взглядом. Я прав. Не рада мне.

— А ты чего не с той блондинкой или как там её... Светой? — огрызается она, и слова жалят больше, чем должны.

Воу, это откуда? Света? Какая, к черту, Света? А, та девка, что прицепилась ко мне в коридоре, пока я искал выход. Я её даже не помню толком. Помню, что была очень похожа на мой объект. А мне просто хотелось руки и башку занять чем-то. Срочно и временно.

— Теперь ты следишь за мной? — усмехаюсь я, наклоняясь ближе.

Ловлю её взгляд. Мне это нравится. Слишком сильно. Она симпатичная, когда злится, но я в этой игре опытнее. Она отступает первой, уже спокойнее:

— Отвали от меня. Для тебя всё игра, да?

И уходит. Оставляет меня с открытым ртом.

Всё. Достало это. Она шарахается от меня, когда я ничего такого не сделал.

Хватаю её за руку, тяну обратно. Не уйдёт.

И тут до меня доходит. Может, она психанула из-за той девки?

Да нет, бред. Они не чувствуют, как мы. Не могут. Даже эмпаты. Им далеко от нас. Они же выросли здесь. Или... она правда ревнует?

— В чём проблема? — спрашиваю, оказавшись в сантиметре от её лица.

При таком свете она богиня. Бледная кожа мерцает под звёздами, золотистые волосы разметались по плечам, глаза блестят — то ли от слёз, то ли от злости. Красивее я в жизни ничего не видел. И это бесит нереально. Миссия миссией, но она офигенная, и отрицать это глупо.

Убираю прядь волос с её лица, заправляю за ухо. Большим пальцем глажу щеку. Её зрачки реагируют на прикосновение, расширяются, и, кажется, я слышу её тихий вздох. Господи, что она со мной делает?

Я под влиянием, снова чувствую себя будто подростком. Наклоняюсь ближе, плевать на задание, на всё.

А она толкает меня в грудь. Слабо, пьяно, но зло.

— Не смей...

И тут её лицо резко меняется — зеленеет, глаза округляются. Она зажимает рот рукой, её выгибает. Я едва успеваю развернуть её обратно к стене и отвести волосы, придерживая за живот, пока её выворачивает наизнанку.

— Тихо, тихо, — бормочу, сам не зная зачем.

Она вздрагивает, вжимаясь в меня. И тут до меня доходит, насколько близко мы прижаты друг к другу. Моя грудь к её спине, рука на её животе, её запах — деревенские яблоки и мыло, даже сквозь эту дрянь, которой она надышалась. Мне самому становится плохо от этой близости. Не от отвращения. От того, как сильно мне это нравится.

Она заканчивает. Стоит, тяжело дыша, опираясь руками о стену. Я стягиваю с себя куртку, вытираю ей лицо — грубо, по-своему, но стараясь не сделать больно. Протягиваю бутылку с водой, что прихватил с собой.

— Прополощи.

Она послушно берёт, пьёт, сплёвывает. А потом смотрит на меня с таким отвращением, будто я то, что вышло из неё только что.

— Тебе же нравится играть, да? — голос хриплый, злой. — Конечно, нравится. Тебе плевать на последствия, главное — свои хотелки удовлетворить. Мы для тебя дураки, пешки, с которыми можно поиграть и выбросить. Ты козёл, если думаешь, что у тебя что-то выйдет после того, что я видела!

Она вырывает руку, тяжело дышит.

Я не знаю, что отрезвляет лучше — пощёчина или её обвинения. Значит, вот что она обо мне думает... Худший из худших, и как ни старайся — не переубедить. То, что она видела, — не то, чем кажется. Но даже если б и было, ей-то какое дело? У неё же нет чувств ко мне. Я ей кто? Парень её что ли? А то, что я сам её поцеловать хотел — вообще за

гранью. Почему я рядом с ней не свой — загадка.

Напряжение между нами висит в воздухе. Провожу рукой по своим волосам, сдерживая гнев. Она перешла черту. Довыступалась.

Смотрю в её глаза, сжимая челюсть. Терплю как могу.

— Знаешь что? А вы друг друга стоите. Ты и этот придурок Калиш. Такие же фарфоровые куклы, того гляди треснете.

Слова льются потоком. Частично я так и думаю, частично — просто злость. Я ж человек. Она разворачивается и уходит. Смотрит на меня своими глазищами. Не ожидала такого. Что играть можно и с двух сторон.

— Не удивительно, что он будет твоей парой. Киборг хренов с жестянкой вместо сердца. Понятия не имею, почему я думал, что ты другая.

Продолжаю на той же ноте. Знаю, что перегнул, но мысль о них вместе... меня просто трясет от нее.

Она одна из самых красивых объектов, кого я встречал. Но личность у неё — дрянная. Аня совсем не та, что на экранах, когда я наблюдал за ней дистанционно из дома все эти годы. Получается, я видел лишь малую её часть.

Смотрит на меня злобно, но я не сдаюсь.

— Что-то сказать мне хочешь?

Он сужает глаза, хмыкая.

— Фарфоровые или нет, но Богдан более мужчина, чем ты когда-либо будешь!

Добивает меня и хочет уйти.

Не тронул бы, но злость выжигает изнутри. Никогда такого не было, и это бесит вдвойне. Сжимаю кулаки до белых костяшек и врезаю по стене. Всю злость — в удар. Тонкая струйка крови течёт по пальцам, отвлекая от неё. На секунду.

А в следующую — я уже рядом с ней. Хватаю за руку, резко разворачиваю и с силой прижимаю за плечи к дереву, так что воздух из её лёгких вылетает со свистом.

Она смотрит — в ужасе. Хорошо. Бойтся? Пусть. Может, хоть так до неё дойдёт.

— Думала, нахамишь и свалишь?

— Сваливают мусор дворники и ты. А я уйду!

Смотрю на неё в упор, ещё больше вжимая в шершавый ствол. Она кривится от боли, но молчит. Ждёт ответного удара — словесного или физического, ей уже всё равно. Глаза горят, губы сжаты в тонкую линию. Гордая. Такая гордая, что бесит ещё сильнее.

Запрокидываю голову к небу, глубоко дышу, прежде чем открыть глаза и посмотреть на звёзды. Почему она такая невозможная??

Несколько вдохов — и я готов снова быть собой. Почти.

— Ты хоть понимаешь, что творишь? — голос уже ровнее, но всё ещё жёсткий. — Завтра нам в центр. Завтра «ДУ-ЭТ». А ты набухиваешься до такого состояния, что на ногах не стоишь. Как ты собираешься обманывать систему в таком виде? Как ты собираешься выжить?

Она смотрит на меня с вызовом. И выдаёт то, от чего у меня внутри всё обрывается.

— А я, может, передумала. Может, мне уже плевать. Пусть ловят. Пусть забирают. Я устала, Макс. Устала бояться, устала прятаться, устала от всего этого.

Она реально так думает. Я вижу. В её глазах — та самая пустота, которую я видел у смертников эмпатов. Тех, кто отказывался от нашей помощи и выбирали смерть. Она тоже хочет сдаться. Решила, что так будет проще.

Злость снова захлёстывает меня, но теперь другая. Не на неё. На себя. На этого придурка Богдана Калиша. На весь этот гребанный мир, который довёл её до такого.

Хватаю её лицо одной рукой. Сдавливаю пальцами подбородок и щёки, заставляя смотреть на меня. Чтобы заткнуть этот поток самоубийственной чуши. Она мычит от боли, но мне плевать.

— Хочешь, чтобы тебя грохнули? Как собаку, которая заразилась бешенством? — цежу сквозь зубы. — А затем сожгли и развеяли прах над Дунаем? Этого хочешь?

Давлю сильнее. Она стонет, слёзы наворачиваются на глаза, но не катятся. Держится. И в этом вся она.

И вдруг до меня доходит, что я делаю. Что я сжимаю её лицо, что ей больно, что я превращаюсь в тех, от кого её обещал защищать.

Убираю руку. Резко. Будто обжёгся.

Она трёт щёки, смотрит на меня с ненавистью. И тихо, но

твёрдо говорит:

— Именно этого я и хочу. Для меня будет честью, если меня постигнет участь моих родителей.

Отталкивает меня — я даже не сопротивляюсь — и бежит в лес. В темноту. Туда, где патрули, где комендантский час, где смерть.

Я стою в ступоре. Родители. Конечно... Её родители. Учёные. Казнены за эмпатию. За то, что чувствовали. И она считает это честью? Она хочет умереть, как они?

— Твою ж мать, — шепчу я в пустоту. — Что я делаю?

И срываюсь с места.

Аня — тёмная точка на горизонте. Бегу за ней, сокращая расстояние. Ветер остужает остатки ярости. В паре метров сбавляю шаг, иду за ней, подстраиваясь под её злые шаги. Злость утихла, но желание исправить то, что я наговорил, заставляет двигаться дальше. Я её оскорбил. Сравнил с Богданом. Сказал, что она фарфоровая кукла. А она просто... просто устала. Просто хочет, чтобы всё закончилось.

Хватаю её за локоть — не очень нежно, но уже без той звериной силы.

— Пойдём, барышня. Небезопасно гулять одной в ночи.

Пародирую старую речь, но в голосе уже нет прежней усмешки. Усталость. И странная нежность, которую я сам в себе ненавижу.

Аня дёргается, но у меня хватка мёртвая. Чувствую её горячий взгляд на щеке, но мне плевать. Смотрю в темноту,

которая вот-вот нас проглотит.

Она перестаёт вырываться, когда мы проходим окраину и входим в город. Знал, что сдастся, как только увидит цивилизацию. Пришлось уступить и согласиться, что я провожу её домой без сцен. Не хватало ещё рисковать.

Комендантский час уже в силе. Луна вот-вот выдаст нас. Петляем по пустым улицам, стараясь пройти как можно больше под покровом ночи. Если патруль поймает — последствия будут для всех. Её жизнь кончена, вся её работа — насмарку, моя миссия — провал. Надеюсь, мы никого не встретим.

Глава 13

АНЯ

Бабушка всю жизнь готовила меня к этому моменту. К умению терпеть, ждать и молчать. Иногда лучше оставить всё как есть, как бы сердце ни рвалось в бой. Мне бы только и надо — наорать на него и сбежать со всех ног. Может, вирус даёт прилив этой дурацкой смелости, но я пока не сошла с ума окончательно.

Придурок он или нет — его молчание сейчас как глоток свежего воздуха.

Бросаю робкий взгляд в его сторону, пока мы петляем по дворам, — и внутренности начинает ломить. Ни за что больше с ним не заговорю. Одной ночи хватило. Но я сама виновата — послушала Иру, попёрлась на эту вечеринку. Сидела бы дома за пробирками — не вляпалась бы во всё это.

А теперь, после этой ночи, вирус, наверное, подействует на меня быстрее. Родители говорили: сначала ты начинаешь чувствовать всё острее. Краски становятся ярче, звуки — громче, каждое слово бьёт наотмашь. Ты начинаешь слишком сильно думать обо всём, чувствовать больше, чем можешь вынести. Эмоций становится так много, что мозг замыкает, как старую проводку. Вирус прожигает его изнутри — медленно, но верно. Паралич. Сначала души, а потом и тела.

Поэтому я так остро реагирую на него. Поэтому его прикосновение до сих пор жжёт локоть, хотя он давно отпустил. Поэтому у меня внутри сейчас целое цунами, а снаружи — ледяная корка.

Реальность уже плавится, как утро, когда всё вокруг плывёт.

Родители как-то говорили мне, что вирус создали искусственно. Что это власти придумали его, чтобы обвинить во всём Дарийцев и сравить их с остальными тремя губерниями. Если это действительно так, то у них всё получилось. Дарийцев уже никто не видел лет сто. Они стали мифом, страшилкой для детей. А вирус — он здесь. Во мне.

Так даже лучше. Теперь буду держаться от Макса подальше. В голове пустые слова-обещания, а мысли всё равно липнут к его руке.

Мы спускаемся с холма к городу через лес, утро подпирает со спины. Лучи красят дальнюю стену в кроваво-оранжевый, будто она в огне. Рассвет никогда не был таким красивым — золото смывает серую тьму. Но моё сердце не спасти. Оно разбито и горит изнутри. Кожа уже тоскует по его прикосновениям, но мысль, что это, может, последний рассвет в моей жизни, как-то притупляет боль. Ночь кончилась паршиво, но утро хотя бы красивое. Наслажусь напоследок.

Благодаря Максy мы вовремя свернули и разминулись с патрулём. Комендантский час ещё не кончился, опасность никуда не делась.

Оказавшись в знакомых местах, я веду его короткой дорогой. Время, когда мы с Ирой тогда год назад затусили и потеряли счёт времени — кажется теперь таким далёким и чужим. Как моя жизнь так свернула с пути, который я так старательно выстраивала?

Выдыхаю, открывая старую деревянную калитку в палисадник. Теперь-то я знаю: надо приподнять, чтоб не скрипела и не разбудила Голиковых. Мой дом через тропинку от их двора — так мы срежем путь и спрячемся от стражи СОФ.

Придерживаю калитку, поворачиваюсь к Максусу, смотрю в складку между его бровей — лишь бы не в глаза.

— За мной. Почти пришли.

Голос холодный. Я всё ещё зла на него.

Макс приподнимает бровь — то ли забавляется, то ли не понимает моих перепадов настроения. А они у меня как качели. То бешусь, то сдаюсь. Неудивительно, что он ничего не понимает. Он ведь не знает, что я заражена.

— Не думал, что ты любишь лазить по чужим дворам, Морнар. Ты полна сюрпризов, — усмехается он, складывая губы в самодовольную ухмылку.

Решил продолжить игру.

Сердце заходится при взгляде на него. Как можно быть таким бесячим и таким красивым одновременно?

Качаю головой, отгоняя неуместные мысли, и ныряю под окна, пригибаясь.

— Ну да. А на нелегальную вечеринку переться — это

прям образец правильности, — огрызаюсь в ответ. — Сам не лучше.

Макс идёт следом. На спящих жильцов ему плевать — совсем не старается идти тише.

Когда впереди показывается бетонный забор в зелёных разводах от мха, он решается. Под густой тенью цветущего раkitника около моего подъезда, он хватает мою руку и тянет к себе.

— Слушай... — голос у него тихий, осторожный. — Завтра мы примем участие в симуляции. Тебе надо хорошенько выспаться. Сможешь?

Я киваю. Слов нет.

От его прикосновения по позвоночнику бегут мурашки. Он сжимает челюсть, глубоко вдыхает, чтобы сказать что-то ещё. Но я не даю.

Резко хватаю его за рукав и что есть силы затаскиваю в щель между домами, в тёмный провал старого подъезда. Мы вжимаемся в стену. Серый ворон СОФ бесшумно скользит по дороге. Я вижу профили бойцов в стерильно-белых шлемах с прозрачными забралами через щель в двери. Они не смотрят в нашу сторону. Проезжают мимо.

Выдыхаю. Макс хочет двинуться дальше, но я качаю головой, прижимая палец к губам. Тихо. Опасно. Ждём.

Минута. Две. Тишина.

— Идём, — шепчу я и тяну его к чёрному ходу своей пятиэтажки.

Мы проскальзываем в подъезд. Мои ноги на автомате несут меня на второй этаж. Ключи трясутся в руках, никак не попадают в скважину. Макс забирает их, открывает сам.

В прихожей темно и тихо. Слишком тихо. Бабушка обычно спит чутко, но сейчас ни скрипа кровати, ни вздоха. Я замираю на пороге, прислушиваясь.

Ничего.

— Тихо, — шепчу Максусзади. — Пойдем, только бабушка спит. Не разбуди.

Мы крадемся в мою комнату. Я прикрываю дверь за ним и только тогда позволяю себе выдохнуть.

— Я в душ, — скидывая кроссовки, сообщаю я его спине, пока он изучает скудный декор моей спальни. — Ты пока подожди тут.

Он кивает, приближаясь к стене, где у меня висят старые фотокарточки из моего детства.

В ванной я долго стою под лейкой, пытаюсь смыть с себя эту ночь. Его прикосновения. Его слова, которые жалют до сих пор. Но вода не помогает. Вирус разгоняет кровь быстрее, и мысли о нём только усиливаются.

Заворачиваюсь в старенький халат, накручиваю полотенце на мокрые волосы и возвращаюсь в комнату.

Макс сидит на полу, перебирая корешки моих книг. Медицинские справочники, старая потрёпанная «Божественная комедия», тетради с записями.

Увидев меня, он вопросительно приподнимает бровь.

— Удобно устроился, — замечаю я с сарказмом, скрещивая руки.

— У тебя тут целая библиотека. — Он поднимает книгу, вскидывая бровь. — Данте? Серьёзно? Готовишься к завтрашнему?

Я выхватываю книгу, прячу на полку. Сердце ёкает. Ад, Чистилище, Рай. Девять кругов... «ДУЭТА».

— Не твоё дело. Кто тебе вообще разрешил трогать мои вещи?

— Хочу и трогаю.

Мы смотрим друг на друга. Тишина напрягает. Не знаю, как её заполнить и не поссориться снова. Пора ложиться, но сил нет. И страшно. Завтра — симуляция. Завтра — или пан, или пропал.

— Я спать. Можешь лечь с другой стороны. Кровать большая. — я достаю из шкафа подушку и плед, кидаю на противоположную сторону кровати. — И только попробуй отпустить сейчас какой-нибудь комментарий. Клянусь, я выставлю тебя за дверь прямо к мордам СОФ. Понял?

Макс вскидывает руки, показывая, что застегивает рот на замок.

Я забираюсь под свое одеяло и поворачиваюсь лицом к стене. Макс, помявшись, укладывается на другой стороне — валетом. Я чувствую тепло его тела через одеяло, и это очень нервирует.

— Ты чего там возишься? — шипит он, когда я решаю

перевернуться на спину. — Спать давай.

— Не спится.

— Считай овец.

— Глупо.

Он тихо смеётся. Потом вдруг выдает:

— Скажи, а у тебя с Богданом всё серьезно?... У вас уже было?

Я молчу. Глаза широко раскрыты. Левый глаз чуть дергается. Что это вообще за вопрос такой???

Собираюсь с силами и отвечаю:

— Это не твоё дело. Зачем тебе это вообще надо знать?

— Спрашиваю, значит надо.

— Ты такой бестактный.

— Какой есть. А ты боишься мне на обычный вопрос ответить.

Обычный??

— Хочешь ответ? — я приподнимаюсь на локтях, впиваясь глазами в его наглую физиономию. Он расслабленно лежит, закинув руки под голову.

— Хочу. Так было или нет?

Выдерживаю его ленивый взгляд на себе и поджимаю губы от раздражения.

— Да. У нас все было.

Вру. Нагло. Вру, чтобы позлить его. Хотя... Почему он должен злиться? Наверное, соврала, потому что стыдно признаться, что в таком возрасте я ничего не знаю об этом, кро-

ме информации из учебников по половому воспитанию и лекций С.Р.О.К. Но ему об этом знать не нужно.

Макс молчит так долго, что я думаю — уснул. А потом чувствую, как матрас чуть прогибается.

Что это он делает?!!

Я не смею двигаться. Просто лежу с открытыми глазами.

Он перекаладывается на мою сторону, ложится совсем рядом. Кое-то время мы просто лежим так в тишине.

— Врёшь, — наконец шепчет он. — Я бы почувствовал.

— Ничего ты не чувствуешь, — выдыхаю я, ненавидя его за эту пронизательность. И себя — за то, что так легко читаема.

— Чувствую.

Я молчу. Сердце колотится так, что, кажется, вот-вот выпрыгнет из груди.

— ...А ты чувствуешь, как я боюсь завтрашнего дня? — спрашиваю тихо, чтобы не сорваться.

Он вздыхает. И вдруг переворачивает меня к себе лицом. В темноте его глаза кажутся чёрными. Он смотрит долго, изучающе, а потом прижимает меня к себе.

— Трусилка, — шепчет он. — Не бойся. Всё будет хорошо. Спи.

Я зажмуриваюсь. В его руках тепло и страшно одновременно. Хочется поверить. Хочется раствориться в этом тепле и забыть обо всём.

Я чувствую его дыхание на своей шее, и по телу разлива-

ется странная истома. Он гладит меня по волосам, касается шеи, щеки. Я прикрываю глаза, замирая в ожидании. Сейчас. Вот сейчас он поцелует меня. Неужели это произойдет?

Сердце пропускает удар, губы сами приоткрываются...

Но он только крепче прижимает меня к себе, зарывается лицом в мои волосы и затихает.

Я лежу, оглушённая. Разочарование накрывает с головой. Глупая, Аня. Глупая.

А потом я полностью расслабляюсь в его руках, слушая тихое биение его сердца. И сон забирает меня.

Утро врывается в комнату холодным светом. Я открываю глаза — Макса рядом нет. Одеядло смято, на подушке осталась вмятина от его головы.

Встаю. Тишина в квартире стоит неестественная, давящая. Слишком тихо.

— Бабушка? — зову я, выходя в коридор.

И замираю.

Гостиная разгромлена. Шкафы вывернуты, книги рассыпаны по полу, стул валяется на боку с переломанной ножкой. Посуда битая. Картины сорваны со стен.

Что тут произошло??! Где бабушка?!

Бегу в дальнюю комнату по коридору, перепрыгивая через осколки. Комната бабушки — та же картина. Матрас распорот, вещи разбросаны. Её нет.

— Бабушка!! — мой крик разрывает тишину.

Я мечусь из комнаты в комнату, как обезумевшая. Заглядываю в шкафы, под столы. На обратном пути влетаю плечом в дверной косяк. Боль прорывает эмоциональный заклон, слёзы льются по щекам.

— Бабушка! — кричу снова и снова, пока голос не срыгается в хриплый шёпот.

В каждой разгромленной комнате — память, уничтоженная навсегда. Фотографии родителей разорваны. Бабушкины очки валяются под столом, стёкла разбиты.

Отчаяние накрывает с головой. Её забрали. Её похитили. И я знаю кто.

Не помню, как вышла в гостиную. Вытираю глаза и только сейчас замечаю его в комнате.

Макс сидит на корточках посреди гостиной, окружённый горами книг. Пустой шкаф разбит в щепки на полу. Он осматривает следы погрома, его лицо напряжено.

Секунды хватило, чтобы я сломалась. Ноги подкашиваются, я начинаю оседать на пол. Макс тут же подскакивает и ловит меня, не давая упасть на осколки.

— Я нигде не могу её найти! Они забрали её! — бормочу сквозь рыдания, вцепившись в его куртку. — Это СОФ, да? Они пришли за мной, а забрали её!

— Не знаю. Но это явно случилось, когда мы ещё были на вечеринке.

— ...То есть вчера, когда мы вернулись... Её здесь уже не было? Ты это хочешь сказать?

— Да.

— Но зачем СОФ моя бабушка?! Она и мухи не обидит!

Макс убирает волосы с моего мокрого лица, но смотрит куда-то сквозь меня, просчитывая варианты. «Во что ты вляпалась?» — читается в его глазах. Он качает головой.

— Нет. Это не правительство, Аня. Посмотри вокруг. СОФ бы опечатали дом. Они бы оставили повестку, ордер, хоть что-то. А здесь... Это не обычная зачистка. Это похищение. Кто-то теневой сделал это.

— Кому нужна моя бабушка?!

— Не знаю. Но нам нельзя здесь оставаться.

— Нет, я не покину свой родной дом! Я останусь.

Я скалюсь, пытаюсь побежать в комнату бабушки, обыскать там всё ещё раз, но Макс перехватывает меня, хватает в охапку и, не слушая протестов, просто закидывает на плечо. Как мешок с картошкой.

— Отпусти меня, придурок! — ору я, молотя кулаками по его спине. — Поставь на место!!

Он выходит через чёрный ход, быстро шагая прочь от дома. Я брыкаюсь, молочу ногами по воздуху, кричу проклятия в его адрес. Прохожие оборачиваются, но Макс сверкает таким взглядом, что все шарахаются в стороны.

— Успокойся! — рывкает он, когда мы заворачиваем за угол, и он резко ставит меня на землю, но не отпускает, грубо прижимает к стене за плечи. — Смотри на меня!

Макс сжимает мои плечи, приводя в чувство.

— Если возьмёшь себя в руки, я тебя отпущу. Но ты пойдёшь со мной. Сейчас здесь опасно для тебя. Надо убраться с улиц. Понимаешь?

Я киваю, жалко всхлипывая. Слов нет — только паника.

Он отпускает меня, убедившись, что я не рухну. Потом приподнимает мой подбородок, заставляя смотреть в глаза.

— Помнишь, я говорил, что на улицах небезопасно?

— Да, но при чём здесь бабушка? Кто её забрал? Это из-за меня? Из-за того, что я дефектная?

— Потом. А сейчас, просто поверь мне. Надо бежать. Сейчас.

В его голосе столько отчаяния и готовность рисковать собой ради меня... Этого достаточно.

Я киваю.

— Хорошо. — Вытираю слёзы тыльной стороной ладони.

— Но рано или поздно ты расскажешь мне всё. Всё, что знаешь.

Он сжимает мою руку — жест можно интерпретировать по-разному. Я выбираю никак.

Глава 14

МАКС

— Это что ещё за место? — голос Ани эхом заметался под сводами заброшенного вокзала, вспугнув стаю голубей. Те с диким гвалтом рванули прочь из-под крыши.

Я молчу, наблюдая за ней. Дико видеть её здесь. Много лет сюда никто не совался, я считал эту дыру своей личной пещерой, единственным местом, где можно побыть одному. А теперь она стоит на цыпочках, заглядывает за перила на ржавые грузовые вагоны внизу, и вся моя «пещера» летит к чертям.

Светлые волосы рассыпались по её плечам, обрамляя лицо. Чуть вздёрнутый нос, пухлые губы, которые она то и дело закусывает. Я снова залипаю на неё, и оторваться нет сил. Власть, которую она надо мной имеет, просто запредельная, а она даже не в курсе.

Стоп. Хватит.

— Дом, милый дом! — бросаю я, хватаясь за холодный металл лестницы и лезу на чердак. Лишь бы переключить мозг на что-то другое.

— Да ладно! Серьёзно? Ты здесь живёшь? — Она лезет за мной через дыру в полу, глаза горят любопытством пополам с недоверием.

— Да. Бесит тусить в общеаге, — вру максимально ней-

трально. — Голодная? У меня шаром покати, но на завтрак наскребу.

Она подходит к пыльному окну и замирает. Вид отсюда и правда открывается бешеный. Солнце заливает белые коробки Славимира, лучи играют бликами на башнях центра. Она кивает на моё предложение, но я вижу — мысли её где-то далеко.

— Ага, — выдавливают она.

Видеть её такой — пытка. Я знаю её всю жизнь. С десяти лет, когда её сделали моей миссией. И ни разу она не была настолько убитой. Словно сосуд, который вот-вот треснет.

Осторожно касаюсь её плеча. Она вздрагивает. На щеках проступает лёгкий румянец, но в глазах — ужас. Ей неприятно?

— Ты в порядке? — спрашиваю тихо.

Она молчит, взгляд мечется между мной и серыми башнями за окном.

Ладно. Не буду давить. Иду на импровизированную кухню, сооружаю пару бутербродов. Сам жутко голодный, и она, наверное, тоже. Выждав немного, пробую зайти с другой стороны.

— Я имею в виду, как ты вообще? Ты вчера прилично накидалась. Голова не болит? — спрашиваю максимально буднично.

Она выдыхает, и плечи её взлетают и падают.

— Зачем они её забрали? — тихо спрашивает она. И вдруг

срывается с места, начинает вышагивать по комнате, впиваясь ногтями себе в плечо. Запускает пятерню в волосы, бормочет что-то. Потом резко поворачивается, и в её глазах — отчаяние в чистом виде. — Моя бабушка никогда не нарушала закон! Всегда делала, что велят! Зачем СОФ её забрал?

Эти огромные, полные слёз глаза буравят меня в ожидании ответа. Она снова грызёт губу, на этот раз до крови.

Подхожу вплотную. Поднимаю руку, чтобы коснуться её лица, и ловлю себя на том, что смотрю на эту прокушенную губу. Одинокая слезинка ползёт по щеке. Сердце за неё болит так, что сам в шоке. Но внутренний голос мрачно напоминает: «Она дернулась от твоего прикосновения, придурок!».

Опускаю руку. Просто смотрю в глаза. Ясно голубые. Красивые.

— Я сам не понял почему, пока не увидел всю разруху, — начинаю я.

Она отстраняется, выставляя руки вперёд. Барьер.

— Ты же что-то знаешь? — голос срывается.

Сжимаю челюсть. Правда — то, что ей сейчас нужно. Хотя если я скажу слишком много — миссия к чертям. Но молчать уже нельзя.

Иду к холодильнику, кидаю ей бутылку воды. Она ловит на лету.

— Пойдем, — говорю и лезу на крышу через люк.

Она лезет за мной. Наверху ветер сразу бьёт в лицо, раз-

векает её волосы. Она щурится от яркого света, садится на ребристый металл, ничего не понимая.

— То, что я скажу, — тайна, — начинаю я, глядя в небо.
— Если кто узнает, что ты это знаешь — ты труп. И я труп.
Она молчит. Ждёт.

— Это не СОФ, — выдыхаю я. — СОФ оставляет бумажки. Опечатывает двери. А здесь... здесь бардак, будто искали что-то в спешке. Это другие люди.

— Кто? — шепчет она.

— Те, кого называют богоборцами. Работают на Ведасград. Их создали недавно. Они охотятся на таких, как... — я осекаюсь. — На тех, кто может быть им полезен. Твоя бабушка — бывший биолог. Она работала с твоими родителями. Возможно, они думают, что она знает что-то про вакцину. Или про вирус.

Аня бледнеет. Бутылка выскальзывает из рук, с грохотом катится по крыше и падает вниз. Мы оба смотрим, как она летит.

— Откуда ты знаешь про моих родителей? — тихо спрашивает она. — Я тебе не рассказывала.

Чёрт. Прокол.

— Здесь все знают про Морнаров, — говорю первое, что в голову пришло. — Это не секрет.

Она смотрит на меня. Долго. Взгляд у неё сейчас странный — будто видит насквозь. Щёки розовеют на ветру.

— Допустим, — говорит она наконец. — Но при чём тут

моя бабушка? Что им могло понадобиться от старой женщины?

— Не знаю. Но судя по тому, что они устроили, они что-то искали. Ты не в курсе, что именно?

Она мотает головой, растерянная. В ужасе. А я — последний человек, который должен её утешать, потому что вру на каждом шагу.

— А это что? — вдруг спрашивает она, указывая пальцем на небо.

Я поднимаю голову. Самая яркая звезда, которую только можно увидеть в этом чёртовом городе.

Когда совсем хреново — смотрю на неё и вспоминаю, что где-то есть место, где всё по-другому. Где можно дышать. Где не надо прятаться. И это место за ограждением города.

Она молчит. Я же не ответил на её вопрос. Откуда мне знать, что это? Просто звезда.

Тянусь к её руке, накрываю своей. Пальцы у неё ледяные. Хочу сказать что-то ещё, но её взгляд падает на мое запястье — на татуировку, которая вечно напоминает, зачем я здесь. Рукав задрался, открывая цифры. Дёргаюсь, натягиваю обратно, но уже поздно. Она видела.

— Что это, Макс?

— Ничего, — резко отпускаю её руку. — Пошли внутрь. Есть охота.

Встаю и, не оглядываясь, лезу обратно в люк.

Потому что если она спросит ещё хоть раз — я не выдер-

жу. И расскажу всё. Про миссию. Про приказ. Про то, что следил за ней годами. И про то, что, кажется, влюбился в свой объект, как последний идиот, нарушив все возможные инструкции.

А этого она точно не заслужила.

Глава 15

АНЯ

Его губы шевелятся, но слова тонут в густом, тягучем воздухе. Золотые пылинки танцуют в закатных лучах, просеиваясь сквозь дырявую крышу, и вся эта картина кажется нереальной — будто время застыло, оставив нас вдвоём в пустоте.

Я перестаю различать слова. Смотрю, как его светлые глаза устремляются в небо, к самой яркой звезде. И в этой тишине он кажется мне падшим ангелом — тот, кто помнит рай, пытается до него дотянуться, но уже никогда не вернётся.

Мой взгляд жадно скользит по его лицу, по резким скулам, по тёмным волосам, которые треплет ветер. И вдруг цепляется за странную метку на его запястье. Макс занёс руку, указывая на звезду, и рукав задрался, открывая кожу.

Чёрная татуировка. Цифра 69 выделяется жирным шрифтом, а от неё вниз уходят линии — одни толще, другие тоньше, сплетаясь в замысловатый узор, похожий на часть пазла. Что это? Номер? Метка? Я даже не замечаю, что пялюсь в упор, пока он не перехватывает мой взгляд. Резко дёргает рукав, прячет татуировку.

Разочарование обжигает изнутри. Хочется спросить, но он уже вскакивает на ноги, шумно выдыхает и жестом зовёт

меня внутри. Как можно быть таким невозмутимым, когда по улицам рыщет опасность? Когда из Ведасграда — этой проклятой столицы, откуда приходят все беды, — явились те, кто забрал мою бабушку?

Я всё ещё сижу на крыше, смотрю на город внизу. Он переливается огнями на фоне заката, бескрайнее море бетона и стали, равнодушное к моему горю. А Макс уже скрылся в люке.

С тех пор как я встретила его, моя жизнь летит в таргара-ры. Но как бы сильно мой разум ни тонул в этом водовороте событий, в груди начинает теплиться искорка надежды. Ноги ватные, еле стою, но мысль, что есть шанс снова увидеть бабушку, даёт силы двигаться. Понятия не имею, кто такие эти богоборцы из Ведасграда, но раз это не гвардейцы СОФ, значит, шанс есть. Они не забрали её в серую фуру, не сожгли в печи — значит, она где-то там, живая.

Спрыгиваю с лестницы на чердак, едва не подвернув ногу.
— Чего мы ждём? Надо вернуться и искать её! — выпа-ливаю я.

Макс стоит у стола, даже не шелохнувшись.

— Может, она где-то там, раненая, или... — мой голос срывается, я боюсь даже додумать эту мысль, кусаю ногти, цепляясь за тонкую ниточку надежды. — ...может, они не нашли, что искали, и забрали бабушку вместо этого?

Последняя мысль пронзает сердце болью. Произнести это вслух — значит сделать реальность ещё более невыносимой.

Но пока я дышу, ещё не всё потеряно. И почему правительство врало нам про опасности за стенами? Какими же наивными мы были! Видя, что Макс даже с места не сдвинулся, я в который раз за день взрываюсь.

— Нам надо что-то придумать! — кричу на него истерично, умоляюще.

Ведомая одним лишь желанием, без единой мысли в голове, я ищу глазами выход. Не могу поверить, что он просто стоит и смотрит на меня как на сумасшедшую.

Не успеваю я рвануть, как Макс вылетает из-за стойки и перехватывает меня. Хватает за руку, разворачивает к себе лицом. Близость зажигает старые искры, что тлели в молчании. Он тут же гасит их, пытаюсь вразумить меня.

— Аня, успокойся! Мы не можем вернуться! Там теперь слишком опасно. Богоборцы могут быть там, караулить тебя у дома. А если ты права, и они правда не нашли, что искали? Тогда вернуться и заберут уже тебя. Зачистят весь ваш дом, каждую квартиру! С ними шутки плохи. Они неменяемые, ты это понимаешь?

Я вырываюсь, освобождаю руку, но он снова ловит её на лету. Голос жёсткий, решающий:

— Я не могу отпустить тебя туда. Прости.

Макс чувствует мою боль, но ничего не может сделать. Он будет защищать меня, хочу я того или нет. Но сейчас я действую на эмоциях. Он прав. Надо успокоиться.

В голове начинает вырисовываться план, пока перед гла-

зами всплывает карта Славимира. Я уверена: как только доберусь до города, я обставлю его по-любому. В конце концов, я здесь выросла, а не он.

Судьба надо мной издевается! Я на грани безумия, как мои родители перед тем, как их объявили предателями. А теперь, когда бабушку похитили какие-то неизвестные из столицы, о которых я узнала всего полчаса назад, я готова навредить единственному, кто может мне помочь. Хотелось бы рассмеяться, но реальность держит меня на прицеле.

Бабушка для меня — всё. Мой мир. Без неё я не выдержу эту монотонную жизнь. Особенно теперь, когда узнала про этих людей из Ведасграда.

Это неправильно, тысячу раз неправильно, но я не понимаю, зачем правительство их посылает за людьми. Разве не они должны нас защищать? Я не всегда согласна с их законами, но в конце концов, это они спасли человечество после катастрофы.

Бабушка — моя единственная семья. Я не могу просто сидеть и ждать. Я сделаю всё, чтобы спасти её, даже если придётся отдать свою жизнь.

Делаю глубокий вдох, собираю всё мужество, чтобы вырваться.

— Это не твоя проблема, Макс. — отвечаю холодно, жёстко, используя его же слова как оружие.

Тень боли скользит по его лицу, шторм в глазах на миг смягчается. Но прежде чем я снова попадусь на его удочку, я

делаю то, чем не горжусь, но что необходимо. Собрав остатки сил, со всей дури бью его по голени.

Он выругивается от боли, разжимая хватку. Пользуясь его замешательством, лечу вниз по лестнице. С одной стороны, рада, что вырвалась, с другой — гложет стыд.

Боль быстро утихает, остаётся только пульсирующий след. Макс вылетает с чердака за мной, в бешенстве выкрикивая моё имя. Его самолюбие уязвлено, и теперь он настроен решительнее, чем когда-либо, найти меня и запереть.

— Аня! — его голос звучит ещё зловещее, когда он выбегает в здание вокзала. Моё имя эхом разносится под сводами.

Боясь, что он догонит и помешает мне найти бабушку, заставляю ноги бежать быстрее. Когда мне кажется, что расстояние достаточно безопасное, прокручиваю в голове свой план. Адреналин бурлит в крови, сердце колотится так, что, кажется, ещё немного и остановится.

— Аня, стой, чёрт возьми! — на этот раз голос звучит ближе. Значит, до выхода я не успеваю.

Рискую оглянуться — вдруг показалось, и Макс ещё далеко. Старый вагон для руды, набитый древним барахлом, стоит между нами стеной, скрывая друг от друга.

Мозг лихорадочно ищет укрытие. Кровь стучит в висках. План с самого начала был так себе, но я думала, что хотя бы выберусь наружу. Пригибаюсь, лезу под ближайшую платформу. Шиплю от боли, когда ржавый металл впивается в

плечо. Мысленно благословляя чёрный локомотив с другой стороны, бегу туда, игнорируя кровь, пропитывающую тонкую ткань футболки.

Здоровой рукой открываю дверь кабины, забираюсь внутрь и захлопываю её как раз в тот момент, когда он проносится мимо.

— Близко, — шепчу я в пустоту, выдыхая.

Убедившись, что он далеко, вылезая и карабкаюсь по холодной металлической лестнице наверх. Замираю на крыше, затаив дыхание, прислушиваясь. Секунды тянутся минутами. Тишину нарушают только птицы под самой крышей.

Уверенная, что я одна, спрыгиваю с крыши локомотива, морщась от боли в плече. Бегу к выходу, на яркий дневной свет, прикрывая глаза здоровой рукой. Понимая, что опасность может поджидать из тени, двигаюсь быстро, но осторожно. Если бы только можно было попросить о помощи... Но я не могу рисковать друзьями. Я ведь не знаю насколько опасные богоборцы.

Мой дурацкий план провалился. Остаётся только одно: угнать машину. Без риска, конечно, иначе меня сошлют как заражённую. Воровство — признак инфекции. Всегда считался за него. Хорошо, что Ира никогда не запирает свою тачку, и она сейчас точно в институте.

— Думаю, она не обидится, если я одолжу её, — уговариваю я себя, всё ещё не веря в происходящее.

Итак, новый план: незаметно добраться до дома Иры.

Выбираю самый быстрый маршрут — через центр, держась подальше от главных дорог, прячась за бетонными стенами и унылыми задворками. И уже скоро показывается роскошный дом подруги, недалеко от реки и института.

Кипарисы обрамляют длинную подъездную аллею, колонны старые, как сам дом. Ретро-автомобиль припаркован с другой стороны, на фоне белой входной двери. Облупившаяся краска красиво контрастирует с серостью фасадов.

Убедившись, что за мной никто не следит, бегу к машине, надеясь, что ключи в замке зажигания. Мелькают отблески реки между деревьями, как в старых плёночных фильмах. Повезло — машина открыта, но ключей нет там, где я думала.

Зная Иру, открываю солнцезащитный козырёк — ключи падают мне на колени. Ура!

Когда двигатель взревел, стая птиц сорвалась с векового дуба, обрывая листву.

Наконец-то я была одна. Мысли возвращаются к событиям, перевернувшим мою жизнь. Вечеринка кажется давним сном, но образ бабушки, ждущей меня ночью на кухне, стоит перед глазами, яркий, как день. Если раньше я ненавидела Ночь Бдения, то теперь я её просто презираю. Все проблемы начались в ту ночь, когда я встретила ЕГО. Но в глубине души я знаю: Макс не виноват, что бабушку похитили. Но страх, что я её больше не увижу, просто разрывает изнутри. Время тикает, его почти не осталось. К тому же в ДУЭТ я

уже точно не сунусь. О каком тесте вообще может быть речь теперь?

Паркуюсь у дома Симичей — нельзя лезть на рожон. Сидя на той же стене, где сидела утром, осматриваю свой дом в поисках чужаков из Ведасграда или Макса. Вокруг тихо, пусто, как и во всём районе. Это придаёт смелости. Спрыгиваю с шершавого забора, поднимая облачко пыли.

Входная дверь всё так же криво висит. Пригибаюсь, вхожу в тёмный коридор. Страшно, но я должна найти хоть что-то, что укажет, где бабушка.

Глава 16

МАКС

Ну нифига себе поворот.

Боль простреливает ногу, ползёт вверх по позвоночнику, рассыпая ледяные иголки. До меня не сразу доходит, что я только что купился на такой дешёвый трюк. И от кого? От неё! Я ж был лучшим в группе. Как так?? Сама боль не так бесит — к этому мне не привыкать, — но моё самолюбие... оно в нокауте. И мало мне этого унижения, я ещё и упустил её. Снова. Со всей дури вдавливаю ладони в глазницы, потом с силой провожу ими по лицу, будто надеюсь стереть этим жестом тот позор и бешенство, что засели где-то в черепушке.

Тупой ход. Тупой! — ругаю себя на чём свет стоит, выбираясь следом за ней через люк и вниз по лестнице. Ногу продолжает нещадно долбить, сколько ни пытайся игнорировать. Быстрая, чертовка. Но не быстрее меня. Мысль про скальзывает где-то на периферии, пока я съезжаю по поручням и спрыгиваю на платформу внизу. Шиплю от боли, перенаправляю её в злость, чтобы не размазало. Она использовала мои же слова против меня! Мои, блин, слова! Ах ты ж мелкая...

— Аня! — ору ей вслед. Злой как чёрт, униженный, но больше всего бесит собственная несдержанность.

Услышав своё имя, она только прибавляет шагу и исчезает за ржавым вагоном, достаточно широким, чтобы спрятать её мелкую фигурку. Съезжаю по рельсу, слетаю по лестнице вниз, и, коснувшись земли, ломлюсь в ту сторону, где её видел в последний раз. Пригибаюсь под вагоном, всматриваюсь — ничего. Даже воздух застыл, как в вакууме. Как можно испариться в долю секунды без следа? Словно земля разверзлась и сожрала её целиком.

Иду вдоль путей, мимо того, что когда-то было двухголовым поездом. Выглядит он незаконченным: один из локомотивов перерублен напополам, будто чем-то острым и нереально мощным проткнули насквозь.

Шаг за шагом ускоряюсь к свету в конце, понимая: в этих вагонах ей не спрятаться. Огромные ящики, набитые рухлядью из прошлого, выстроились друг за другом бесконечной металлической цепью. Поначалу меня даже забавляло вскрывать эти старые кожаные сундуки и выуживать чужие тайны. Пока яркие сны с неприкаянными душами не начали будить меня по ночам. Тогда и завязал.

Несколько капель чёрной жидкости поблёскивают на полу, как две бусины в море белого щебня. Размазываю влагу пальцами — и в ужасе отшатываюсь: на коже остаётся красноватый след. Кровь... Её кровь?

Медленно поднимаюсь, и самый страшный страх перекрывает кислород. Она ранена, а я понятия не имею, где она. — Твою ж дивизию! Аня!!! — снова зову её. Голос гро-

мом разносится по депо, сгоняя легион голубей из-под стеклянной крыши.

Тишина. Она уже свалила отсюда, начхав на всё, что я ей втолковывал. Вылетаю следом, матерясь под нос и молясь, чтобы нашёл её быстро. Всё может кончиться так плохо и в таком количестве вариантов, что даже думать не хочется. Знакомый холодок разочарования поднимается изнутри, чувство вины и собственной никчёмности пожирают мозг.

Чувство дежавю — я снова застрял в этой гребанной петле, которая туманит сознание.

Уже среди гор стекла и стали, начинаю задыхаться. Ну где, где она, чёрт возьми?! Хороша! — признаю сам себе, но сердце в груди бьётся в клетке моего же страха, пропускает удары и перехватывает дыхание.

Я почти в её районе. Сейчас он тонет в оранжевой дымке, готовый кануть в сумерки.

Оставляю институт за спиной и ныряю в темноту на горизонте. В голове каша из чувств: она, я, эта дурацкая миссия. Клянусь себя, что отпустил, но понимаю: её упрямство бесит ещё больше. Почему она не слушает меня? Ей своя жизнь настолько до лампочки? Последний вопрос вклинивается в мозг, окончательно затуманивая рассудок.

— Надо было приковать её к чему-нибудь, чтобы не вытворяла такой дичи, — шепелявлю между вдохами, хотя внутренний голос твердит обратное.

Прохожу мимо патруля, даже не прячась. Они тестируют

какого-то конопатого пацана, аппарат в два раза больше его головы. Я слышал про такие аппараты, но вживую они выглядят ещё зловещее.

Пиканье, подтверждающее, что объект не заразен, доносится уже откуда-то сзади, и я ловлю себя на том, что мысленно болею за того мелкого. Ей-богу, это место меня размягчает!

Золотой час скоро сдастся монохромной серости, выкрасив всё в чёрно-белое. Бросаю взгляд на небо: серебристый серп луны пробивается между звёзд. Перевожу глаза на входную дверь её подъезда, которая всё ещё висит криво, слегка покачиваясь на одной петле.

— Странно, — бормочу вслух, приближаясь к дому.

Сумерки сгущаются, стирая грань между иллюзией и реальностью. Поднимаюсь по скрипучим ступеням, вглядываясь в поисках улики или засады.

Это место должны были уже зачистить. Чего они ждут? Вопрос крутится в голове. У правительства наверняка есть на это свой интерес. Эти ублюдки всё просчитывают до мелочей. Не могли они это упустить.

Захожу в подъезд, но только после того, как оглядываюсь по сторонам. Лучше перебдеть. С гвардейцами СОФ я бы ещё разобрался, но с теми, кто из Ведыграда, — один в поле не воин.

В коридоре всё так же мрачно и неудобно. Пыль осела на разбитых рамках, хаос по-прежнему царит через рваные

обои с цветочками, которые нервно подрагивают на сквозняке. Голые стены ободраны до основания, обнажая гниль и распространяя затхлость.

В тишине — приглушённые звуки, выдающие присутствие кого-то ещё. Выучка включается мгновенно, берёт управление на себя, отключая все сомнения.

Пригибаюсь, быстро вытаскиваю нож из-за голенища и крадусь к гостиной. Глазам нужно время, чтобы привыкнуть к темноте — единственный свет от луны, что бьёт в окно. Слежу за ним взглядом, пытаюсь понять, откуда шум.

И вот она. В лунном свете фигура Ани, согнувшаяся над кучей книг на полу.

Я замер в проходе, забыв, кто я и зачем пришёл, забыв и про нож в руке. Зачарованный этим магическим созданием, превращаюсь в камень — боюсь спугнуть, боюсь, что снова сбежит. Глаза жадно пожирают каждый изгиб, задерживаясь на одних больше, чем на других. Дома на таких никогда не западал, но сейчас эта хрупкость буквально принуждает хотеть её. Никогда в жизни не имел дела с такими нежными созданиями, как она, тем более с такими упёртыми. Мне всегда нравились девушки-солдаты, которые ничего не усложняют. Какого чёрта именно сейчас меня так пробило на неё?

Тело реагирует на эту чувственность — капли пота выступают у корней волос.

Закрываю глаза, пытаюсь взять это под контроль, но мозг уже капитулировал, прокручивая картинку её сочных губ,

закушенных зубами. Тёплая дрожь прокатывается по телу. Спасение одно — открыть глаза и посмотреть реальности в лицо. Возбуждённый, с сигналами, разбегающимися по всему телу, делаю произвольный шаг назад. Наступаю на разбитую фоторамку. Чары рассыпаются.

— Давно ты тут стоишь и смотришь на меня? — спрашивает она. Удивлённо и слегка смущённо.

Вижу даже в этом свете: щёки горят. С удовольствием дал бы ей повод гореть и дальше. Но вместо этого, как хитрый и, наверное, худший парень на всём материке, вру.

— Только что зашёл. Ты с ума сошла? Свалить вот так, после всего, что мы пережили за ночь? — наезжаю на неё, ослеплённый и сжираемый желанием.

Вся злость резко ушла. Вместе с десятилетиями тренировок. Тихо делаю пару шагов к центру комнаты, не выпуская её из виду. Тело тянет к ней как магнитом, сколько бы разум ни сопротивлялся. Власть, что она имеет надо мной, лишает дара речи. Она встаёт, теперь полностью ко мне лицом, наполовину скрытая тенями.

— Ты всё равно не поймёшь, — шепчет она. Голос дрожит, настороженный. Она нервно убирает прядь за ухо, выглядя ещё привлекательнее с этими огромными, таинственными глазищами.

— Тогда объясни. — Прокашлявшись, приваливаюсь к стене рядом с ней.

Расстояние между нами рушит всю защиту. Мы сидим во

мраке, скрытые от чужих глаз, пока Аня сбрасывает груз с плеч, раскрывая мне свои секреты один за другим.

Слушать, как её нежный рот выплёскивает такие болезненные тайны — сердце разрывается. Я и так знал, что она особенная, но даже не пытался понять, насколько. Мы никогда не задавали вопросов про свои миссии. Мы учили и впитывали только то, что помогало выполнить задачу. И всё. Но слышать, что она всегда чувствовала себя изгоем в собственной шкуре... это задевает за живое. Я сам всю жизнь мучился этим чувством, прятал эмоции, лишь бы приняли. В армии нет места слабости. Сейчас всё во мне хочет обнять её, стереть эту душераздирающую память. Мы с ней не такие уж и разные.

Внезапно мелодия её голоса обрывается. Нас снова окружает густая тишина темноты. Вижу, как она нервничает, взвешивает: сказать ещё или хватит.

— Я не такая, как все, — вырывается из неё. Потом, потирая руку, продолжает ещё тише. — Нано-вакцина на меня никогда не действовала. Боюсь, я заражена. И у меня мало времени.

Последние слова тонут в её слезах. Делаю шаг к ней, тяну руку, чтобы взять её ладонь. Она в страхе отшатывается.

— Не трогай! Не хочу тебя заразить.

Её глаза с ужасом впиваются в меня, а я стою как дурак, ненавидя себя за то, что не могу рассказать про эксперимент, про эту грёбаную миссию, про то, что она — один из клю-

чей к успеху. Она может спасти мир, но какой ценой? Всю жизнь она прятала себя настоящую, подавляла чувства, сомневалась в своём рассудке ради других. Вечно жила в страхе, что её поймают и она исчезнет, как её родители.

Чувствую себя слабым и бесполезным, что не могу стереть её боль. Я вкусил лишь малую толику её страданий и уже чувствую себя уязвимым.

Важно там или нет, Аня не заслужила этого дерьма. И что значит «не реагирует на нано-вакцину»? Я думал, каждый, кто живёт здесь, получает её при рождении. Мы сидим посреди комнаты, порознь. Она шепчет сбивчиво, а я впитываю каждое слово. Опасности снаружи будто забыты. Слезы текут по щекам, когда она говорит о бабушке, глаза сверкают восхищением, вспоминая детство. Её бабушка стала для неё щитом, как только узнала, что внучка другая. Слушая, как Аня цитирует её наставления — «всегда слушай сердце и доверяй интуиции», — начинаю думать. А что, если в тайне Ани есть нечто большее, о чём она сама не подозревает?

И тут до меня доходит. Сегодня же должен был быть «ДУ-ЭТ». С утра по радио передавали список участников, пары, которые будут проходить испытание. Голос диктора монотонно бубнил фамилии, а я сидел на чердаке и смотрел, как она спит, и думал: мы облажались. Мы пропустили. И теперь система, скорее всего, зафиксирует наше отсутствие. Богдан, наверное, уже рвёт и мечет. Его родители — тоже. А это значит... это значит, что очень скоро сюда нагрянут гости. Ли-

бо СОФ, либо те, из Ведасграда, кому позарез нужно, чтобы Аня участвовала.

Охренеть. Просто охренеть. Всё, что мы знали о проекте, — коту под хвост. Неудивительно, что она оказалась совсем не такой, как я думал. Я должен найти её бабушку. Вернуть Ане единственного человека, который может заставить её чувствовать себя нормально.

— Я понимаю, — говорю тихо, перебивая её всхлипы. — Про вирус, кстати... это чушь. Ты не заразна. По крайней мере, не так, как ты думаешь. Но сейчас не об этом. — Смотрю ей прямо в глаза. — Сегодня был ДУЭТ. Мы его пропустили.

Она замирает. В её глазах вспыхивает ужас пополам с облегчением — странная реакция.

— Я знаю, — шепчет она. — Я слышала радио по дороге сюда. Они передавали список... Богдан, наверное, меня ищет. — Она сглатывает. — Но мне плевать. Мне нужна бабушка.

В её глазах вспыхивает оживление. Она кивает вверх и манит меня за собой.

Я иду за ней, чувствуя, как под рёбрами разрастается что-то тёплое. Мы пропустили ДУЭТ. Миссия провалена. Командир с меня шкуру спустит, если мы выберемся. Но сейчас, глядя на неё, на эту упрямую, дикую, невозможную девочку, мне плевать на все.

Будь что будет. Я буду с ней. До конца.

Глава 17

АНЯ

Моё тело стало легче пера, но вес целого мира давит на плечи. Стены сжимаются вокруг, высасывая воздух, нечем дышать. Сотни вопросов атакуют мысли, разворачивая одну и ту же трагедию с одним и тем же концом — бабушка исчезла навсегда. Глаза застилают слёзы, я обвожу взглядом разбросанные по полу фотографии. Одна притягивает внимание — семейный портрет. Счастливые родители, прижимающие к груди маленькую дочку, широко улыбаются в камеру. Подавляя слёзы, трясущимися пальцами поднимаю идилическое свидетельство прошлого, стараясь не пораниться о разбитое стекло.

На секунду время замирает в астральной тьме, создавая портал в прошлое. Слова бабушки оживают, окутывая меня защитным коконом. Сладкие напоминания о родительской любви придают сил. Я всегда находила в них утешение, когда особенно скучала, но в детстве не могла понять истинный смысл их истории. Заразиться — никто не пожелает, но обменять свою жизнь на мучительную смерть? Любовь — такое чужое слово, такое сильное и смертоносное. Но благодаря бабушке я знаю, что значит быть нужной, знать своё место. Для меня в этом и заключается любовь.

Макс молча наблюдает, его прозрачный взгляд ждет, ко-

гда мои губы снова зашевелиятся. Но мысли уносят меня в прошлое, туда, где было только счастье. Моё лицо меняется, когда в голову приходит образ старого сундука с игрушками — единственного наследства, оставшегося от родителей.

— Точно! Это оно! — восклицаю я. Он вздрагивает, а я, не говоря ни слова, лечу наверх, всё ещё сжимая в руках разбитую рамку.

Я почти уверена: если бабушка что-то и спрятала, что-то настолько ценное, из-за чего ей грозит опасность, то это там.

— За мной! — кричу я Макс, уже на полпути к лестнице. В голосе надежда и предвкушение.

Кажется, целая вечность прошла с тех пор, как я спала в своей постели. Теперь это лишь печальное напоминание о прошлом. Люди из Ведыграда не пощадили и эту комнату — здесь тот же хаос, что и во всём доме.

Не чувствуя ничего, падаю на колени перед красивым резным деревянным сундуком. Игнорируя топор, застрявший в крышке, дрожащими руками глажу медный замочек. Колеблюсь, боюсь того, что могу найти.

Макс терпеливо ждёт в дверях, жадно следя за каждым моим движением. Ободряюще кивает, когда я поднимаю на него испуганный взгляд. Открываю сундук. Внутри — груда мягких разноцветных игрушек. Сладкие воспоминания накрывают с головой — у каждой своя история из детства. Но надежда ещё жива. Мне нужно добраться до дна. Руки лихорадочно хватают и разбрасывают старых друзей. Один за

одним они летят в воздух, разбиваясь о стены и паркет.

— Это должно быть здесь. Что бы они ни искали, это спрятано тут, — бормочу я, отчаяние заполняет комнату.

Макс подходит ближе. Наверное, думает, что его присутствие меня успокоит, и он сможет увидеть, что на дне. Но в этом граде мёртвых кукол одна попадает ему прямо в лицо, и он теряет фокус, отмахиваясь от неё.

Лунный свет заливает комнату, обнажая пустой сундук и колеблющиеся надежды. Макс уже уверен: наши поиски — пустая трата времени, и нам пора валить.

— Аня, нам нужно идти, — начинает он, хватая меня за локоть и поднимая.

— Нет! — упираюсь я. То, что спрятала бабушка, должно быть здесь. Все разговоры о родителях так или иначе упирались в этот сундук.

Он нетерпеливо запускает руку в волосы. Я знаю, чем это кончится — он просто перекинет меня через плечо и вытащит силой. Но я ещё не сдаюсь. Начинаю простукивать дно в поисках пустот. Когда касаюсь левого нижнего угла, противоположный приподнимается. Тайник.

Высокая фигура Макса нависает надо мной, закрывая свет. Мои ловкие пальцы поддевают фальшивую доску. В углублении высотой не больше пяти сантиметров лежит старый блокнот. Бархатная обложка перевязана тонким кожаным шнурком.

— Что это? — поражённо спрашивает он, следуя за мной

к разбитой кровати.

Затаив дыхание, я уже погружаюсь в содержимое. Это научный журнал, похожий на мой лабораторный, но здесь полно химических формул и хаотичных заметок на полях.

— Почерк моей мамы, — наконец выдыхаю я, пропустив его вопрос мимо ушей.

Я знала, что родители учёные, но чем именно занимались — никогда не говорили. Судя по записям, они исследовали воздействие разных штаммов вируса, пытаясь улучшить вакцину и превратить её в лекарство. Страница за страницей, я вытираю слёзы, застилающие глаза. Мои пальцы скользят там, где когда-то скользили её. Моя любимая мама, которую забрали, потому что она знала о единственном лекарстве, способном спасти человечество.

Макс видит, как меняются мои глаза. В этот момент я отбрасываю всё, чему меня учили, и решаю найти правду самостоятельно. Всё, что я знала — ложь. Годы работы коту под хвост. Почему бабушка ничего не рассказала? Этот вопрос душит меня, не даёт дышать.

Вскакиваю, блокнот падает на пол. От резкого движения разбитая кровать разваливается окончательно. Макс едва успевает отскочить и поднять журнал с ковра.

В плену собственных эмоций, мечусь по комнате, плачу молча. Слёзы градом катятся по щекам, пока я пытаюсь соединить разрозненные кусочки. Теперь я лучше понимаю, что случилось с родителями. К концу записей химические

формулы становятся более связными, буквы складываются в слова, слова — в предложения. То, что начиналось как научный журнал, превратилось в личный, очень интимный дневник. Мама много раз использовала запретное слово «любовь», иногда подчёркивая его так, что ручка прорывала пожелтевшую бумагу.

Один абзац выделяется особенно, сбивая с толку: «Безумство, поражаемое любовью — доказательство стимуляции клеток мозга. Следовательно, отсутствие безумия в любви — аномалия». Ближе к концу мама пишет о глубоких чувствах, настоящей страсти, привязанности, но не как о побочных эффектах. Жирным шрифтом она называет их ПОСЛЕДСТВИЯМИ ЛЕКАРСТВА. Неужели спасение всего человечества в руках такого примитивного явления, как любовь?

Теперь, когда я думаю об этом, я не помню их больными. Наоборот, они всегда были радостными и счастливыми, не такими, как другие родители. В день изгнания гвардейцы сказали бабушке, что они — угроза, заражённые и крайне заразные. С тех пор я считала их мёртвыми, но теперь, прочитав мамины записи, осмеливаюсь надеяться. Надеяться, что они живы и смогли выжить за стенами.

Макс пользуется моим временным помешательством и внимательно изучает блокнот. Пуля свистит рядом с моей головой, впиваясь в стену. Окно разлетается вдребезги, осыпая нас осколками. Я закрываю лицо руками, но стёкла уже изрезали мою кожу. Кровь струйками стекает по лицу.

— На пол! — орёт Макс, пробираясь к окну.

Парализованная страхом, падаю на ковёр. Никогда не бо-
ялась крови, но чувствовать, как тёплая жидкость покидает
тело — тошнотворно.

Тьма укрывает нас плотным одеялом. Нас окружили.
Больше дюжины людей из Ведыграда. У некоторых части
официальной формы, другие тяжело вооружены. Шансов
нет.

— Уходим! Быстро! — рывкает Макс, хватая меня за руку
и поднимая на ноги.

Наверное, паника в его голосе заставляет меня подчинить-
ся. Я двигаюсь с ним в ногу, повторяя каждое движение. Пу-
ли свистят со всех сторон, преследуют нас по коридору. Пер-
вая луна снова прячется за тучи, скрывая нас, когда мы до-
бираемся до первого этажа дома. Прячемся в подъезде, увора-
чиваясь от выстрелов из сада. Замираем, затаив дыхание.
Слышатся шаги. Секунды до того, как нас найдут. Нужно
действовать быстро.

Чёрный ход в нескольких метрах. Макс выглядывает из-
за стойки, оценивая расстояние.

— Аня! — зовёт он, но я в шоке и не реагирую. — Аня!
— громче. Доходит. — Когда скажу бежать — вылетаешь в
эту дверь. Поняла?

Смотрю на синюю дверь за нами, механически киваю. Всё
тело болит, но холодный воздух и мокрая одежда притупля-
ют жжение порезов.

— Бегом! — рывкает он, и я вылетаю в темноту.

Прижимаюсь к стене снаружи, слыша, как Макс чем-то гремит внутри. Через мгновение он выскальзывает за дверь, хватая меня за руку, и мы ныряем в темноту леса.

— Дай угадаю... богоборцы? — выдыхаю я, хотя ответ и так знаю.

Глава 18

МАКС

Ноги сами несут туда, где безопасно. Видимо, мы снова тащимся в мою берлогу — единственное место, достаточно уединённое, чтобы спрятаться нам обоим. Депо.

Аня тенью плетётся за мной, снова утонув в своих мыслях. Ветки обходит, но по сторонам не смотрит, спотыкается о корни. Всё бы отдал, чтобы знать, о чём она сейчас думает. Вид у неё убитый, но больше всего пугает эта бледность. Сейчас, когда адреналин потихоньку выветривается, станет

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.